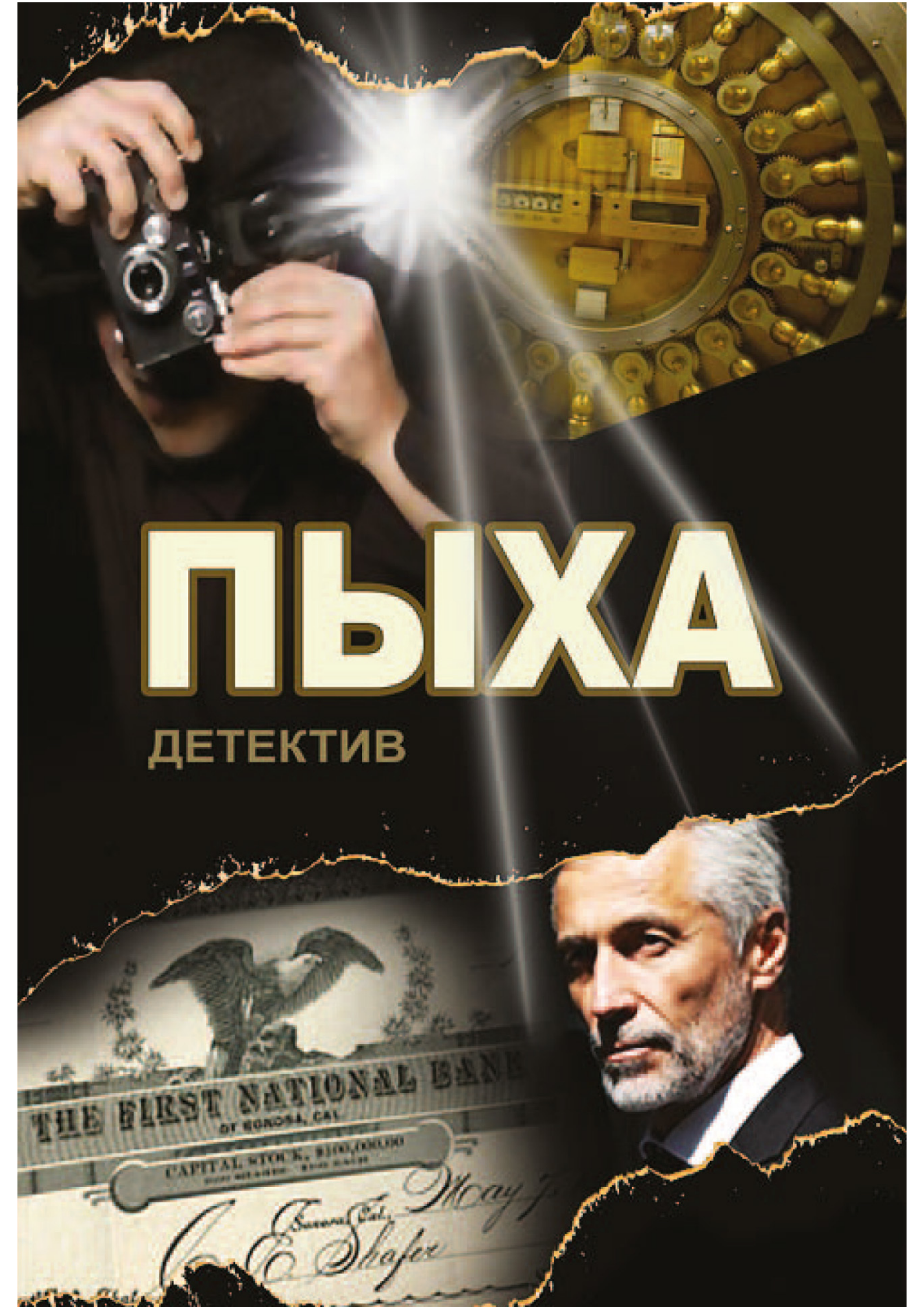

ПЫХА

ДЕТЕКТИВ

Детективы Александра Асмолова

Александр АСМОЛОВ

Пыха

«Александр Асмолов»

2020

Асмолов А. Г.

Пыха / А. Г. Асмолов — «Александр Асмолов»,
2020 — (Детективы Александра Асмолова)

ISBN 978-5-4472-9301-7

Столица едва вздохнула от пандемии, как странная гибель знакомого тенью легла на одного из троих друзей. Со школы они увлекались фотографией, но самый несуразный из них, по прозвищу Пыха, был уникален. Он досконально помнил все снимки, которые когда-либо видел. В руках у Пыхи оказывается флэшка с видеозаписями, намекающими на русское золото в американской ФРС. Потомки Романовых ищут в России золотые сертификаты на тонны вожделенного металла в форте Нокс, но только Пыха сможет их найти. Книга будет интересна любителям детективного жанра и откроет читателю немало тайн Российского императорского дома.

ISBN 978-5-4472-9301-7

© Асмолов А. Г., 2020
© Александр Асмолов, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	23
Глава VI	28
Глава VII	32
Глава VIII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Асмолов

Пыха

© Асмолов А.Г., 2020

* * *

События, имена и даты вымышлены, все возможные совпадения случайны.

Глава I

– Пыха, привет, – грубоватый мужской голос, слегка приукрашенный аудиосистемой в «Форде», был хорошо знаком сидящему за рулем Виктору.

– Привет, Серый.

– Ты далеко?

– На Можайском. Толкаюсь перед МКАД-ом.

– И без маски, небось?

– Обижаешь... Еще в перчатках, а педальки топчу бахилами.

– Смелый портняжка, – ехидно съязвил знакомый голос, – дашь поносить?

– Так ты до дыр затрешь, знаю я тебя, – тут же подхватил привычную с детства перепалку Витька, – что хотел-то?

– Шмат звонил... – неожиданно произнес звонящий.

– О, как!

– Ну, да. Нижайше просил передать тебе, что хочет угостить чашкой кофе.

– Да, ладно...

– Причем на моей заправке... Тебе же по пути.

– А по што сей «друг» названный сам не позвонил?

– Сие мне не ведомо, – в тон ему прокомментировал голос из динамиков. – Жаль не моя смена, а то бы и я полюбопытствовал.

– Серега, ты не разыгрываешь?

– Ты за дорогой смотри, а то начнешь по перилам обгонять, когда услышишь главное.

– Дык, я в маске, не узнают, – усмехнулся Витек. – Выкладывай, не томи.

– Шмат изволил тонко намекнуть... Ну, чтобы ты не передумал... Что он с радостью готов заправить твою синюю машинку... Полный бак...

– Пока я буду вкушать «кашерный кофий»?

– Не подавись только, – огрызнулся голос из динамиков.

– Серый, ты серьезно?

– Абсолютно... – не прощаясь, он оборвал разговор.

В салоне «Форда» вновь зазвучала музыка, прерванная звонком, но она была как-то не к месту, и Виктор ее выключил. Поток машин медленно продвигался к кольцевой развязке, непривычно загруженной после двухмесячной самоизоляции. В это время имеющие пропуски, нагло гоняли по пустым улицам столицы, а теперь им приходилось делиться. Сидевшие дома, соскучились по дорогам и радостно вырвались в город. Но их не ждали. Общество все больше делилось на тех, кому дозволено, и остальных.

Впрочем, эти мысли уступили воспоминаниям, вдруг нахлынувшим на водителя, после разговора с Сергеем. Они не встречались с Пасхи, бывшей в этом году где-то в середине апреля, а сегодня уже начало июля.

Уже семь лет школьные друзья – Витька Королев, Серега Копылов и Олег Корнеев – собирались на Пасху вместе. После смерти Ольги, жены Олега... Ее машину всмятку сплющило между двумя фурами на съезде под мост. Нелепая жуткая смерть. С тех пор так и повелось, встречались не в конкретную дату, а на Пасху.

Олег как-то объяснил им это свое желание некой традицией. Мол мы, русские, переняли Пасху у иудеев. У них она называется Песах, что в переводе звучит «пройти мимо». Якобы в каком-то священном писании сказано, что Господь перед бегством иудеев из Египта наказал Моисею пометить все двери тех, кто истинно верил в него. Для этого им нужно было зарезать ягненка и его кровью измазать входную дверь. Тогда одна из десяти казней египетских минует

жителей отмеченного дома... Теперь Олег специально моет свою дверь на Пасху и ждет, что за ним тоже придут. До сих пор тоскует по Ольге, встреченной им в институте.

В школе все трое были тайно влюблены в свою одноклассницу с голубыми глазищами, излучавших доброту и свет. Светка выбрала самого сильного и добродушного из них. Здоровяк Серега женился на ней лет десять назад и теперь растил двух похожих на него крепеньких пацанов. Витька назло всем связал свою жизнь с Натальей. Они долго маялись, то ссорились, то мирились, но все же разбежались. Хорошо, детей не завели.

Такоказалось, что у Витьки Королева никого кроме Сереги Копылова и Олега Корнеева в друзьях не осталось. Их в школе дразнили: «ко-ко-ко», по первым буквам фамилий. Поначалу все трое кидались с кулаками на обидчиков, но потом привыкли, да и прозвище перестало казаться обидным. Так и прикипело к ним намертво.

Все трое были очень разными. Возможно, если бы не Светка, так бы и разошлись своими путями по жизни, но со временем даже мысль о том казалась им странной. Юношеская дружба постепенно переросла в мужскую, редкую для современников, однако себе они солгать не могли. Причиной была Светка.

Для одноклассников троица была заядлыми фотолюбителями. Они росли в девяностые, когда родители были озабоченны только добычей пропитания, и ребята гуляли сами по себе. В ту пору еще оставались очаги совместного труда и воспитания граждан, но огонь там стремительно угасал. В Домах Культуры, Молодежи и Технического Творчества появлялись кооперативы, ларьки и различные конторы. Народ выживал, что-то перепродавая или переделывая. Островком среди этого дикого предпринимательства оставался фотокружок «Объектив». Возглавлял его Игорь Семенович Бронштейн, отец Мишки по кличке Шмат.

Это прозвище юный Бронштейн получил за свою принципиальную позицию – иметь свой шмат с любой затеи. Мишка тоже был их одноклассником, но оказался очень предприимчивым мальчиком. Шмат всегда мог выручить деньгами. Но. Только при клятвенном обещании «вернуть долг со шматом». А деньги пацанам порой были очень нужны – купить в одном месте подешевле и продать в другом «с наваром». Они забывали о школе, шныряя по улицам в поисках выгодной сделки, осваивая нехитрую науку перепродажи во время острого дефицита. Силовое прикрытие обеспечивал Серый, быстрые ноги – Витек, а калькулятором был Олег.

Мало кто из прохожих мог заподозрить в подростках курьеров, доставлявших уличным торговцам нехитрый товар от сигарет до колбасной нарезки в вакуумной упаковке. Почему-то все это добро миновало прилавки государственных магазинов и втридорога продавалось с рук на улице. Впрочем, тогда уже никто не спрашивал откуда, всех интересовал только один вопрос – сколько.

Свое место в этой пищевой цепочке устраивало и пацанов. «Ко-ко-ко» не смотрели далеко, они жили здесь и сейчас, а особенности столичных улиц давали существенные преимущества перед провинциальными сверстниками. Поначалу родители сопротивлялись появлению в холодильнике батона колбасы или пачки масла, но потом притихли. Троица еще умудрялась доставать себе фотоматериалы и реактивы.

Почерпнув первичные знания в фото-кружке, они сами проявляли пленку, печатали фотографии по ночам, даже увлеклись цветными слайдами. Занятие было не из дешевых, но это только подогревало интерес. Родители видели, что откуда-то у школьников появлялись деньги, но о криминале речи не было, а уж о наркотиках и подавно. Дети сами находили себе занятие и не отвлекали взрослых от поиска хлеба насущного.

Однажды у троицы разгорелся конфликт с конкурирующей компанией подростков за бойкое место перед светофором на проспекте Мира. Там они за копеечку протирали ветровые стекла автомобилей, ожидающих зеленый свет, предлагали водителям воду, чипсы или какую-нибудь мелочь вроде зажигалки, батареек или переходника для силовых розеток.

Как полагается у настоящих пацанов, они «забили стрелку» чтобы «перетереть эту тему». Силы были явно неравны тем более, что разговор должен был состояться в незнакомом парке после десяти вечера. Все вооружались, как могли, но лучше всех подготовился Витек. Он выпросил у деда довоенную вспышку с большой дугообразной лампой в отражателе с глубокую тарелку, которая питалась от килограммовой сухой батареи в 300 вольт. В массивной рукоятке вспышки находился солидный конденсатор, накапливающий энергию для мощного импульса, «поджигающего» лампу. Ее ведущее число было неизвестно, но мощности хватало, чтобы снимать ночью с дерева толпу, ожидающую фейерверк на 9 мая.

Вспышка аккуратно упаковывалась в холщовую сумку с широким ремнем и носилась через плечо, как противогаз. Армейской сухой батарее хватало на пару секунд перезарядки конденсатора. Способ использования был прост – нажми кнопку на рукоятке и лучше прикрой глаза.

Когда переговоры зашли в тупик и Серый принял боевую стойку, чтобы честно пасть в бою, но не отступить перед напиравшими клином врагами. Почуввав момент, Витек резко выпрыгнул вперед и, словно из кобуры, рванул свое оружие. Вспышка смотрела на противника огромным глазом посеребренного отражателя, словно ствол дальнобойного орудия. Впотьмах это не произвело ни на кого никакого впечатления. Но фотолюбитель, зажмурившись, нажал заветную кнопку, держа лампу обеими руками. Ослепляющая вспышка были совершенно неожиданна, а вслед за мягким «пыхающим» звуком лампы раздались перепуганные вопли врагов. Толпа была обескуражена и потеряла ориентацию. Прошло пару секунд, и последовал новый «выстрел». Яркие вспышки в темноте парка косили врагов, словно из пулемета. Эффект неизвестного оружия оказался поразительным, враг был рассеян в окрестностях. Троица победоносно покинула поле боя с гордо развивающимися знаменами.

Так Витька Королев был коронован Пыхой.

Потом эта история долго обсуждалась во дворе, школе и кружке фотолюбителей «Объектив». Оказалось, что в умелых руках даже старенькая техника дедов может стать сокрушительным оружием. Впрочем, постепенно и это стало историей, а сверстникам казалось, что Пыха всегда назвался именно так. Фотокружок вернулся к обсуждению методов съемки, кадров и характеристик различных аппаратов, хотя особого разнообразия не было. У счастливиц был старенький «ФЭД», «Смена», «Зоркий» или «Любитель».

Только Шмат был владельцем «Зенит-автомат» со специально под него выпущенным набором оптики с креплением байонет под резьбу М42. Это были модели «Гелиос» и «Зенитар». Особую зависть у всех членов фотокружка вызывал длиннофокусный «Юпитер-37а». Он не только давал возможность делать потрясающие снимки на расстоянии, но и был просто красавцем. Позолоченное покрытие линз переливалось на солнце разноцветными бликами, да и сам объектив весил с полкило.

Однажды Витьке удалось выпросить у своего деда Коли его драгоценную «Лейку» и похвастаться ею на занятиях «Объектива». О, это был триумф! Даже Игорь Семеныч цокал языком и увивался около своего ученика, предлагая продать аппарат. Но это была семейная реликвия Королевых. Дед Николай дошел до Берлина в 45-м и в доказательство этого выменял у какого-то немца «Лейку» на большую банку американской тушенки.

Аппарат был не новый, и дед иногда разбирал его, чтобы почистить или что-то проверить. Это было для Витьки захватывающим зрелищем. Дед убирал все со стола и расставлял на нем пару десятков блюдец и плошек. Вывинчивая из корпуса аппарата крепежные винтики размером чуть больше часовых, он раскладывал их в блюдечки с разным рисунком, чтобы запомнить порядок.

Память его уже подводила, но оказалось, что у внука она наоборот – феноменальная. Малец с первого раза запоминал не только последовательность сложной разборки аппарата, но и мог сам его собрать. Правда, под строгим контролем деда. Тонкие пальцы ловко держали

малюсенькие детальки без пинцета, а часовые отвертки просто играючи мелькали в руках. Дед не мог нарадоваться на подрастающую смену, но случилась беда. Однажды троица «ко-ко-ко» прогорела на рискованной торговой операции и была должна Шмату такую сумму, что Витька боялся произнести родителям вслух свою треть. Он поделился бедой с дедом. Тот помнил о заманчивых предложениях Игоря Семеныча и, покачав головой, отнес Бронштейну свою ненаглядную «Лейку». Тот пообещал все уладить, и родители узнали о судьбе немецкой камеры слишком поздно. Впрочем, вскоре Игоря Семеныча стал называть Изей Самуиловичем, и Бронштейны укатили из «немытой» России на историческую родину.

Спустя лет пятнадцать Шмат вернулся в гордом одиночестве.

Глава II

Увлеченный воспоминаниями, Пыха и не заметил, как его «Форд» вкатился на чистенькую бензозаправку, украшенную гирляндами красных и желтых надувных шаров с фирменной эмблемой в виде открытой ракушки морского гребешка. Кто бы мог предположить двадцать лет назад, что в России откроют 300 таких АЗС нефтяной компании из Великобритании! А теперь уже никто не удивляется, увидев на буржуйской заправке негра в белых перчатках и красном комбинезоне с желтой эмблемой в виде ракушки.

«Форд» остановился около одной из шести заправочных стоек с «пистолетами» под солидной белой крышей. Чуть поодаль была автомойка и несколько боксов для мелкого ремонта. Посетителям предлагали зайти в магазинчик и кафе на несколько миниатюрных столиков, чтобы оплатить услугу и отдохнуть пока их машины обслуживались.

Сергея Копылов работал здесь дежурным автомехаником, и мог оказать помощь железному коню школьных друзей по минимальной ставке. Да и кофе здесь готовили отличный, не экономя на хорошей воде и зернах. На барной стойке стоял автомат для выпечки плюшек из полуфабрикатов, и сладкий дух свежих хрустящих круассанов соблазнял посетителей после долгих часов, проведенных за рулем. Цены здесь были немаленькие, по причине приобщения к «миру прекрасного», поэтому Пыха заворачивал сюда крайне редко, хотя и проезжал мимо.

Поставив одинокий «Форд» на заправку, Виктор зашел в кафе, чтобы оплатить. Внутри было почти пусто. Двое парней сидели за столиком в центре зала у большого экрана, на котором шла трансляция какого-то футбольного матча, а в уголке была картинка с видом автомойки. Очевидно, это их машину приводили в порядок после загородной поездки.

– Красавица, – улыбнулся Витек девушке за кофемашиной, – а не заглядывал ли к вам толстенький мужчинка моего возраста в кепке вместо прически?

– Да, минут пять, как ушел, – улыбнулась она в ответ.

– Не намекал, что вернется?

Она лишь пожала плечиками, поправив воротничок фирменной блузки.

– Мне полный бак «девяносто пятого» на четвертой колонке и чашку эспрессо.

Витек положил две купюры перед кассиром и подождал, когда кофемашина радостно фыркнет, сообщая, что кофе готов.

– Вон за тем столиком у окна сидел, – вспомнила девушка, окинув свои владения зорким взглядом.

Посетитель с чашечкой в руках медленно прошел к столику, где, судя по словам официантки, недавно сидел похожий на Шмата мужичок в кепке. Глядя на свой «Форд», жадно наполняющий свою ненасытную утробу, Виктор подумал, с чего это вдруг скупердй так расщедрился, а потом передумал. Почему не позвонил сам, ведь вычислил его положение по SIM-ке в «Форде». Отговорка о разряженном аккумуляторе в сотовом на Королева не действовала, он знал, что Шмат всегда таскает с собой пару дорогих коммуникаторов. Что-то тут было не так.

– Полный бак, – прервала его размышления девушка в фирменном костюмчике «Шелл», поставив блюдечко с чеком и сдачей на столик перед клиентом.

– Спасибо, красавица, – мило улыбнулся ей Виктор, – сдачи не нужно. Кофе у вас отличный. Можно мне еще такой же?

Он положил поверх принесенного чека еще одну купюру и ключи от своей синей машинки.

– Ваш парень может подогнать моего коня сюда на стоянку, чтобы там никому не мешал?

Девушка кивнула и удалилась, забрав ключи и деньги, а на Королева вновь навалились воспоминания.

Когда, Шмат неожиданно вернулся в Москву из земли обетованной, то его трудно было узнать. Просто лысый колобок в кепке прикатился. Особо с ним никто из троицы фотолюбителей не общался, но Шмат то и дело навевался сам. Правда, его быстро отшил Серега, возмущенный тем, что Шмат стал постоянно намекать на то, что хорошо бы «старому товарищу» дать скидку на бензин, а Олег едва не подрался с ним за наглые высказывания по истории Руси. Хотя этот хитрец, почуяв, что могут дать в морду, тут же менял тактику, заискивая и раскаиваясь.

Разве что он устроил Пыху в хорошую мастерскую современной фототехники с весьма солидной оплатой. Правда, тоже не просто так – он то и дело звонил с просьбой что-то починить, переделать, а то и просто объяснить, как работает. За эти услуги подгонял «личных клиентов», которым нужно было что-то срочно отремонтировать за отдельное вознаграждение. Это были хорошие деньги, а найти работу Королеву было непросто. Резюме с его образованием и опытом выглядело весьма бледно, предлагали только пойти в грузчики или курьеры.

Подтвердить или развивать свою уникальную зрительную память до какой-то профессии не получалось. На рынке труда в современной России нужны рядовые исполнители чужих идей, настройщики или ремонтники произведенного где-то за пределами страны. Даже среди, казалось бы, успешных программистов самым популярным являются создание курсов по освоению чужих систем и языков программирования, адаптация чужих пакетов программного обеспечения для управления торговыми предприятиями или базами данных. Банковское ПО в основном адаптируется, Греф для СБ закупает только программные пакеты Майкрософт, а ведь во многих странах госкомпаниям запрещено использовать продукты Майкрософт, потому что Бил Гейтс не открывает коды программ, и что они еще делают помимо заявленных функций достоверно известно только производителю. В магазинах нет отечественных флэшек и мышек, сотовых и планшетов, рабочих станций и серверов. Только мелкосерийная сборка из чужих комплектующих.

– Ваша машина, уважаемый, – прервал воспоминания Виктора голос заправщика в желто-красном комбинезоне. Он положил на столик ключи от «Форда» и явно ждал вознаграждения.

– Скажи, любезный, – рядом с ключами легла купюра, – не припомнишь, заправлялся ли в течение часа мужичок моего возраста лысый, но в кепке?

– Заправлялся, – недовольно буркнул парень, глядя на деньги.

– Он был один в машине? – рядом легла еще купюра.

– Один. Вот тут сидел. Ждал. Позвонил и убежал.

– Быстро?

– Быстро.

– Спасибо, любезный.

Заправщик быстро спрятал деньги в карман комбинезона и удалился. Витек мельком глянул по направлению спины только что стоявшего у столика служащего и улыбнулся. Тот прекрасно знал, где в зале расположены камеры видеонаблюдения, и прикрывал собой от них взятые с клиента деньги.

Так мог поступить и Шмат, чьи уловки Пыха запоминал с первого раза. Левая рука гостя, скрытая от камер, едва заметным движением скользнула под столик, и тут же пальцы коснулись постороннего предмета на гладкой поверхности. Это была привычка Шмата, приклеивать жевательную резинку на подоконник в школе. Он всегда садился у окна и все уроки жевал со скучающим пренебрежительным видом. В начале девяностых американская жевательная резинка была самым доступным символом свободы у подростков.

Стараясь как можно спокойнее допить кофе и выйти на стоянку машин, Пыха сдерживал себя, чтобы не кинуться разглядывать предмет, приклеенный снизу к столешнице. Он придавил еще не засохшую жевательную резинку к ладони и придерживал мизинцем. Уверенности,

что это было именно то послание Шмата, ради которого хитрец затеял всю странную комбинацию, было невелико. Жвачку мог приклеить к столу кто угодно. Но интуиции твердила, что догадка верна, и от этого сердце часто застучало, как у птицы, попавшей в чью-то ладонь.

Время растягивалось для Витьки, как в школьные годы, когда он торопил звонок в коридоре, чтобы миновать вызов к доске. В такие мгновения Пыха видел плавные движения окружающих, словно в замедленном кино. Причем и сам словно протискивался в тягучем, клейком воздухе, который прилипал к рукам и ногам, удерживая насильно в тянущейся, как жевательная резинка секунде. Наконец, двигатель «Форда» спокойно заурчал, включился кондиционер, но по спине прокатилась капелька пота. Летняя рубашка с коротким рукавом прилипла к спине, но Королев выдержал минуту, чтобы не сорваться с места. А так хотелось вдавить педаль «газа» в пол, и рвануть с места, чтобы жалобно взвизгнули шины. Выскочить на шоссе и посмотреть, наконец, ради чего все это «шпионское» действие разыграл с ним Шмат.

Через пару минут «Форд» остановился на стоянке супермаркета, и в своей открытой ладони Пыха увидел миниатюрную карту памяти micro SD на 128 гигабайт. Жевательная резинка была предусмотрительно приклеена на пластик корпуса и не касалась золоченых контактов. Стало понятно, что Шмат все продумал, хотя и явно спешил куда-то. Впрочем, возможно, что и бежал от кого-то.

Похоже, хитрец вляпался в серьезную историю, и решил какой-то козырь в рискованной игре доверить Королеву. Доверить не банковской ячейке, ни умнице Олегу, ни Серому, чьи кулаки не раз выручали всех из их школы. Впрочем, с первых дней возвращения Шмата в Москву они с Олегом почти не общались из-за постоянных споров, готовых перерасти в мордобой. Корень, как прозвали Олега Корнеева еще в детстве, стал замкнут после гибели Ольги и ударился в ведическое язычество. Во всех бедах современной России он винил пришлых – немцев, иудеев, поляков, прибалтов и хохлов.

Да и с Серым Шмат успел поступить по-хамски. Пару лет назад он заявился к нему домой и выпросил на вечер камеру, утверждая, что своя не работает, а у него съемка свадьбы. Добрая душа не устояла. Оказалось, что Серега забыл вытащить свою флэшку из фотоаппарата, а на ней был удачный кадр – тень мужчины с букетом, ожидающего встречи. Снимок случайный, но очень удачный. Когда кадр под названием «Ожидание встречи» за подписью Бронштейна появился на престижном фото-сайте 500px.com, а соответствующий файл исчез с флэшки Серого, Шмат прятался на съемных квартирах, пока гнев праведный не утих.

Интересно, какие слова Бронштейн младший нашел, чтобы уговорить Серого передать послание ему, Витьке, было непонятно и интересно, но еще любопытнее было узнать цель этой многоходовки. Шмат ничего просто так не делал.

Глава III

Было далеко за полночь, но Пыха не прекращал свои попытки разобраться в видеозаписях, попавших ему в руки на карте памяти Шмата. Тут были фрагменты какой-то свадьбы, застолья, корпоративной рыбалки на ухоженном пруду подмосковного клуба, соревнования на бильярде, ночные съемки какого-то загородного особняка с квадрокоптера.

Виктор знал, что младший Бронштейн подрабатывает свадебным фотографом и увлекается ставшими модными съемками с дрона. Как-то он приносил покалеченные модели этих маленьких четырехмоторных вертолетов в мастерскую, чтобы Пыха их реанимировал. В основном это были дорогие профессиональные модели DJI Matrice стоимостью полмиллиона рублей и более, с хорошим набором оптики и большим запасом времени полета. На борту была мощная операционная система, а камеры разных подвесок Zenmuse имели 12, а то и 20 мегапиксельные камера, с 20-кратным увеличением.

Было чему позавидовать. У Шмата эти дорогие игрушки падали и разбивались так, что порой и карту памяти приводили в негодность, хотя имели датчики препятствий, позволяющие дрону самостоятельно избегать столкновения с ними. Пыха стал подозревать, что в крушении таких дорогих аппаратов основной причиной не могла быть небрежность или неопытность оператора. Многие говорили о том, что их сбивали. Это могло означать только одно – Шмат затрагивал интересы влиятельных персон, чья служба безопасности имела средства борьбы с новым видом шпионажа. Это подозрение все более крепло в сознании у Королева по мере просмотра видео, хранимых на попавшей сегодня в его руки карте памяти.

Удивило еще то, что качество файлов было разным. Для формата 4К с 60 кадрами в секунду у плеера понадобится порт на гигабит в секунду. Такие были далеко не у всех видеопроекторов. Обычно их приобретали те, у кого на большом телевизоре картинку более низкого качества смотреть тошно. Ну, Пыха был фанатом, жил один, потому мог себе позволить, а простые смертные в ту сторону и не смотрели. Стало быть, клиентами свадебного фотографа были люди состоятельные, коль он снимал для них в таком качестве.

Поначалу Королев подумал, что карточку на 120 Гигабайт он быстро просмотрит в таком формате, но оказалось, что большинство файлов было записано с более скромным разрешением. Это была сборка не для клиента, а по какой-то тематике. Тут были фрагменты и с разными людьми, и разной погоды, и снятые с большого расстояния с таким увеличением, что колебания дрона в воздухе были весьма ощутимы.

Пыха давно заметил особенности своей зрительной памяти. Однажды увиденное им, не только надежно хранилось в каких-то бескрайних уголках мозга, но и моментально сравнивалось со всем новым. Причем в таких деталях, что порой приходилось усилием воли заставлять себя не думать о том. Школьные приятели, услышав как-то его комментарии о сложной задаче, решаемой математиком у доски, сначала сочли это случайным совпадением, но, проверив, убеждались в достоверности сказанного Королевым. Ему пророчили большое будущее ученого или классного специалиста, но Витька только смущенно отмахивался. Что мне делать в вашем университете? В девяностые все разваливалось в стране, а уж о школе думали в последнюю очередь. Все предметы для фотографа были неинтересны и среднюю школу он закончил на тройки, о большем и не помышлял.

Пыха был влюблен в фотографию. Он принимал этот безмолвный мир изображений всем сердцем, и миллионы кадров не просто хранились в его бескрайней памяти, но и были постоянно востребованы. Наяву проявлялись по ночам в цветных снах и заполняли жизнь парня не только красивыми видениями, но и методикой их создания. Королев научился вычислять в какое время и при каких условиях делался тот или иной кадр, почему тот таким получился.

Он стал понимать как автор подбирался к тому финальному моменту, чтобы нажать спуск. Об этом даже не подозревали богатые обладатели дорогих фотокамер, искавшие только кнопку с названием «шедевр», и не знавшие, как такой кадр можно придумать и выстроить, дожидаться ситуации, времени суток или угадать освещение, а уж потом нажать кнопку можно было и на дешевой советской «Смене».

Королев едва не с обидой просматривал высококачественные записи на карте памяти, сделанные абы как. Еще школьником Пыха смог сам купить дешевую камеру «Орион-ЕЕ» с несъемным объективом «Триплет 69-3 4/40», который был сделан по технологии просветленной оптики. Аббревиатура ЕЕ означала автоматическое управление диафрагмой при установленной выдержке. Собирали эту модель тогда еще в «нашей Белоруссии» и в магазинах она стоила 47 рублей. Пыха купил ее вдвое дешевле у мужика на улице, очевидно, продававшего все, что имел, лишь бы потом приобрести еду. Такое было время...

Витькины родители тоже крутилась, как могли, но своя камера для слайдов давно была желанна, и школьник не взял из бюджета семьи ни копейки. Причем он не ходил на курсы или семинары, а сам научился проявлять слайды и гордился тем, что одним набором химикатов проявлял не гарантированные пять пленок, а 17-18 штук. Нужно было только набраться опыта с балансом времени и температуры растворов, чтобы вовремя завершать процесс проявки или отбеливания. Для него это занятие стоило немалых денег, но охота пуще неволи.

Пыха машинально остановил просмотр, еще не понимая причины. Всмотревшись в застывший на экране кадр видеозаписи, он понял причину. Мужчина на заднем плане какого-то застолья был знаком. Высокий, средних лет, с ухоженным лицом и прической слегка тронутой сединою, он производил приятное впечатление. Какие-то благородные черты угадывались в этом лице даже когда он не позировал, а на случайно выхваченном из потока кадре. Обычно, снимая репортажах, фотографы делают серию снимков, чтобы потом выбрать удачный. Лицо человека очень динамично, и любого можно представить в самом разном свете – от комичного, до умного.

Неизвестный на застывшем кадре выделялся из общей массы каким-то спокойствием и уверенностью. И это было не напускной солидностью, что часто у неумного человека выглядит комично. Это было естественное состояние. Витька на мгновение задумался и у него промелькнуло прозвище для незнакомца – капитан. Следом из памяти всплыла фотокарточка дореволюционного периода в России, на которой был изображен тот же капитан, но гораздо моложе. Судя по схожим чертам участников на старом кадре, молодой капитан находился в семейном кругу. Он стоял чуть с краю, облокотившись о кресло. В центре кадра двое молодых людей его возраста, левее женщина старше, скорее мать, а еще ниже трое пацанов лет пяти-семи. Капитан был в черном военном кителе с золотыми погонами, на вид около двадцати, темные слегка волнистые волосы с пробором посередине. Приятное открытое лицо, прямой нос, чуть насмешливый взгляд.

Пыха помнил, что автором старого снимка был один из первых русских фотографов Сергей Левицкий. Отпечаток на плотном картоне с тисненой подписью справа внизу – «Фотосалон «Светопись» и дата – 1867 год. Витька помнил знаменитую серию портретов этого русского первопроходца в фотографии, на которой были изображены известные в то время политики, писатели и художники. После успешного дебюта Левицкого с серией горных пейзажей Кавказа на Парижской фотовыставке, отмеченной золотой медалью, Сергей Львович был удостоен чести стать личным фотографом императорской семьи. В разных коллекциях и фондах сохранилось немало отличных фотокарточек Александра II, цесаревичей, тетушек и прочих кузин. Теперь эти отпечатки чаще появляются на аукционах, чем на фотовыставках.

Пыха всегда отмечал удивительную одухотворенность лиц на старинных фото. Причем это были не обязательно императоры или царедворцы. Семейные карточки представителей среднего класса просто поражали своими образами. Теперь таких и не встретить.

Тут в памяти Королева вспыхнуло еще одно изображение человека очень похожего на капитана с видеозаписи. В этот раз на балу в каком-то роскошном дворце. Возможно, это был карнавал. Все персонажи в ярких одеждах от колдуна до Красной Шапочки. Витек запомнил этот кадр с выставки, посвященной 400-летию Дома Романовых. Лицо незнакомца трудно не узнать. Высокий, статный, с военной выправкой, все тот же спокойный чуть насмешливый взгляд, да и туника римского сенатора с красной полосой на широких плечах была очень кстати. Складывалось впечатление, что сей господин был рожден повелевать, да и воспитывался таковым с детства.

Пыха заставил себя сосредоточиться на просмотре видео, иначе он так и не покинул бы своих ярких воспоминаний, где фотолюбитель мог оставаться бесконечно долго, словно дайвер, погружающийся в неизведанную бездну. В самых потаенных пластах его памяти, как на большой глубине, было мало солнечного света, и все увиденное приобретало совершенно неожиданные черты. Только в отличие от дайвера, Пыха не нуждался в баллонах с воздухом и свободно дышал в том мире полной грудью.

Наконец он наткнулся еще на одну интересную запись, сделанную Шматом. Это была ночная съемка где-то за городом. С высоты в несколько десятков метров. На берегу речушки стоял большой двухэтажный дом с ярко освещенными окнами и лужайкой вокруг, с извилистыми тропинками, подсвеченными спрятанными в траве фонариками. Они вели к беседке, колодцу и мостику, выдававшемуся метров на пять в спокойную речку, чья темная вода, как зеркало, отражала огни дома.

Очевидно дрон, с которого велась съемка, покружил над домом и стал медленно опускаться, останавливаясь на расстоянии метров тридцати от окон. Они были высокие и узкие с подоконниками на европейский манер, такие чтобы в хорошую погоду на них выставить комнатные горшки с цветами. Было заметно, что оператор, управляющий коптером кого-то искал. Когда в одном из окон появился силуэт высокого мужчины, летательный аппарат завис и приблизил изображение. Этого наблюдателю показалось мало и, повинаясь чей-то воле, дрон стал сам подлетать к окну. Наконец, мужчина в комнате на втором этаже чуть отошел от окна, сделав назидательный жест рукой. Очевидно, он с кем-то разговаривал. В тот момент, когда неизвестный повернул лицо так, что его освещенный лампой профиль, стал узнаваем, дрон резко качнулся и освещенное окно исчезло из кадра. В следующие несколько секунд изображение мелькало и раскачивалось, словно от порывов ветра. Удаляясь от дома у речушки, коптер одновременно набирал высоту, но темная полоса лесного массива надвигалась быстрее. Запись обрывалась. Однако кадр, запечатлевший высокого мужчину со знакомым лицом, на секунду освещенным лампой, впечатался в память Королева.

Пытаясь осмыслить увиденное, Пыха оторвался от видеоплеера и пошел приготовить кофе. За последние три месяца самоизоляции он привык засиживаться далеко за полночь. Да и, судя по освещенным окнам в соседних домах, он был не одинок в таком выборе.

Привычный растворимый кофе приятно бодрил, настраивая на размышления. Виктор вспомнил лицо молодого человека в военном мундире с золотыми погонами на семейном фото. Во второй половине девятнадцатого века негативы делали на стеклянных пластинах размером с книгу, а для отпечатков использовали контактный метод, поэтому изображения были отменного качества. Лицо мужчины средних лет на видеозаписи тоже позволяло рассматривать нюансы. Они были похожи. Конечно, разница в возрасте, интерьере, одежде влияли на восприятие образов, но чем больше Пыха сравнивал их в своей памяти, тем больше убеждался в предположении, что это родственники. Жаль, что на тисненном картоне была только одна дата 1867 год, никаких имен. Поскольку Левицкий являлся официальным фотографом императорской семьи, и запечатленные сто пятьдесят лет назад на карточке персонажи явно принадлежали высшему обществу, можно было предположить, что они связаны кровными узами с монархом.

Покопавшись в своей памяти, Королев стал анализировать лица остальных шестерых участников группового снимка. Две женщины в пышных белых платьях были разного возраста. Одна скорее приходилась сестрой, а другая матерью статному молодому мужчине в военной форме, названным Витькой капитаном. Все, кроме сидящего между женщинами второго молодого человека на снимке, обладали схожими чертами лица. Трое за небольшим круглым столиком с резными гнутыми ножками, рассматривали солидную открытую книгу или альбом. Все говорило о достатке. Виктор мысленно взгляделся в сидящего между женщинами чужака, тот едва сдерживал улыбку, вызванную радостным состоянием, охватившим его в чужой семье. Трудно было не заметить, что оба молодых человека в кадре носили одинаковые погоны и прически с проборами, разделяющие прилизанные волосы ровно посередине. Многие говорили о совместной службе, но судя по возрасту, скорее – учебе в каком-нибудь престижном военном заведении.

Девушка справа от сидевшего за небольшим столиком молодого военного, как-то торжественно держала его под руку, а на коленях у нее был роскошный букет роз. Уж не жених ли это?! Похоже... Семейное фото в день помолвки... Только вот главы семейства нет рядом, что странно. Впрочем, это мог быть ключик к разгадке. Королев понял, что любопытство не даст ему заснуть.

Глава IV

Назойливая мелодия знакомого звонка сотового телефона медленно, но неумолимо выдергивала Королева из глубокого сна.

– Пыха, привет, – голос Олега был взволнован.

– Привет...

– Захвати книгу, – коротко добавил Корнеев и оборвал едва начавшийся разговор.

Протирая глаза и пожевывая, Витька сел в кровати, пытаясь сообразить, что происходит. Ему никуда не нужно торопиться, третий месяц в стране тянется странный выходной. В сознании боролись две мысли. Что там могло стрястись у Олега в такую рань? Хотя, да, время к обеду. Тут до него дошло, что позабытая фраза о книге была родом из девяностых. Условным сигналом трех школьных друзей. Она означала, что нужно срочно встретиться, причем, у того, кто кинул клич. Если фразу передавали через родителей, она звучала вполне мирно, но для «ко-ко-ко» это была команда боцмана на паруснике – свистать всех наверх.

Странное предчувствие заставило Пыху мигом сбросить остатки сна. Звонить и расспрашивать времени не было. Нужно торопиться к Олегу. Просто так о книге не вспоминали.

Различные предположения вспыхивали и гасли в сознании, пока Королев, не задумываясь, выполнял привычные действия, сократив их до минимума. Промелькнули воспоминания о школе, лица одноклассников и сверстников их двора, словно в калейдоскопе, беспорядочно сменяли друг друга пока не остановились на младшем Бронштейне. Интуиция фотографа никогда не подводила.

– Заходи, – словно продолжая едва начавшийся телефонный разговор, произнес Олег. – Полуночицаешь?

– Заметно?

– Пойдем на кухню, – вместо ответа буркнул хозяин, – кофейку выпьем.

В квартире было чисто и прибрано. Олег во всем любил порядок. Оставшись один, он не опустил, не запил, но углубился в «изучение корней», как заметил однажды Серега Копылов. Фамилия Корнеев просто формировала его характер.

– Серого вызвали к следователю, – в свойственной ему манере не ходить вокруг да около, произнес Олег, разливая кипяток по чашкам с растворимым кофе.

Витька сдержал едва не вырвавшиеся вопросы, зная по опыту, что Корень, как часто звали хозяина в школе, на них не обратит внимания.

– Светка звонила. Они на даче живут весь этот карантин, а сегодня утром появился какой-то следователь. Выспрашивал о Михаиле Бронштейне, общих делах и прочем. Потом вместе с Серегой уехали. Следом за ним появился частный сыщик. Задавал те же вопросы.

– Серый мне вчера звонил... – не выдержал Королев.

– Не пыхти, – отодвинул от себя чашку Корень, – по порядку.

Он слушал, молча, наклонив голову, и рассматривая что-то на столе. Не торопил и не задавал вопросов, давая собеседнику высказаться. Потом неожиданно рубанул.

– Вчера вечером на проселочной дороге Одинцовского района сгорела машина. Дачники слышали то ли хлопок, то ли взрыв, наткнулись на сгоревший остов машины. Вызвали ментов. Те определили по серийным номерам владельца, подняли список звонков...

– Шмат? – отчего-то не удивился своему предположению Витька. – А Серый-то причем?

– Все это произошло в пяти километрах отдачи его тещи. И гражданин Копылов не смог подтвердить свое алиби на период предполагаемого убийства.

– Дурь какая-то...

– Не пыхти. Лучше расскажи о своих подозрениях. Вижу, что есть.

Витька еще в школе удивлялся, как Олег мог подчинять свои эмоции при решении задач у доски. Словно робот из фантастических видеофильмов, наводнивших страну в девяностые, Корень не поддавался на смешки или ошибочные подсказки одноклассников. Всегда четко шел к цели и побеждал. И в «Бауманку» сам поступил, хотя родители уговаривали идти в МГУ. Смог бы, но не захотел. Так и сейчас, несмотря на явную угрозу для Серого и его семьи, Корнеев был удивительно собран и хладнокровен.

– Карту памяти привез? – сухо спросил он, опуская комментарии Королева.

– Там формат записи не для твоего ноутбука.

– «Мерседес» нужен? – с горькой усмешкой заметил Корень, понимая свою ущербность в финансовых вопросах.

– Я в интернете эту фотку Левицкого быстро найду, – кинулся на помощь гость, – или давай ко мне съездим. Все сам увидишь.

– Ну, все записи мне смотреть не хочется, – хозяин вскочил за ноутбуком, – это ты у нас библиотекарь, любую фотку запоминаешь, а мне показать нужно...

Минут через десять Олег внимательно рассматривал найденную на сайте Императорского Дома Романовых копию фотокарточки с датой 1867 год. Чуть склонив голову набок, улыбнулся и покачал головой, словно встретил старого знакомого, изменившегося со временем, но все равно узнаваемого.

– Великий князь Николай Констан-тинович. Старший сын экстравагантного брата императора Александра II по имени Константин. Царская семья признавала только ранние изображения и упоминания Николая Константиновича. Красавец и умница, ростом удался в своего деда Николая I – больше двух метров. Да и назван был в его честь. Получил прекрасное домашнее образование и воспитывался, как будущий генерал. Многие пророчили этому баловню судьбы императорскую корону. И какой бы в таком случае могла стать Россия, остается только гадать...

– И при чем тут Шмат?

– Хм. Кто только ни терся у русского престола. Огромная страна, нетронутые богатства, перспектива... Немцы, шведы, поляки, англичане... Куда ж без иудеев...

– Погоди, и куда же этот красавец сгинул? – удивился Пыха. – Я долго копался в интернете, фоток с таким лицом почти нет, а на тех, что попадались, он действительно не старше двадцати.

– Интриги, друг мой, интриги, – грустно вздохнул Олег. – До семнадцати лет жизнь князя Николая Константиновича ничем особо не отличалась от других Романовых. Отличное домашнее образование, воспитателем был генерал-адъютант по фамилии Филосовов. Алексей Илларионович из бедных дворян, отличился в действующей армии, награжден орденами за личную храбрость при обороне Кронштадта. Был строг даже с великими князьями. Сошелся во взглядах с отцом Николая Константиновича, когда тот пожертвовал 200 000 рублей из личных сбережений на строительство бронированных канонерок вместо парусников для обороны Питера с моря.

– Корень, ну откуда ты это знаешь?

– Если будет желание покопаться в библиотеках, найдешь это в личных письмах, служебных сообщениях, отчетах... Я говорю о Крымской войне. В период обороны Севастополя у России был только парусный флот. Английские паровые крейсера беспрепятственно вошли в Финский залив и несколько раз бомбардировали неукрепленные города побережья. Когда сунулись к Кронштадту, им дали по зубам. Тогда и отличился Алексей Филосовов. В августе 1855 была бомбардировка Свеаборга, а в сентябре короновался Александр II сразу после смерти отца – Николая I. А мы говорим о Николае Константиновиче, которому тогда исполнилось пять лет. Он рос в тревожное для России время и был достойно воспитан для служения Родине.

– Слушай, – не унимался Королев, – значит на фото, сделанном в 1867 году ему только семнадцать?

– Да, и судя по погонам, он еще в пажеском корпусе. Думаю, что за столиком между сестрой Ольгой и матерью Александрой Иосифовной сидит его однокурсник, будущий король Греции Георг I. Он венчался с сестрой нашего героя – великой княжной Ольгой Константиновной. Именно осенью 1867 года. Впрочем, это мое предположение, тут особо не копал.

– Ну, ты даешь!

– Сегодня образование таково, что престижнее помнить колебания курса валют за последние десять лет или забитые голы какого-нибудь нападающего во всех матчах... Впрочем, и для меня история только увлечение.

– Дык, я фотограф, – дружелюбно улыбнулся Пыха. – Так что там с этим внуком Николая I?

– Когда ему исполнилось восемнадцать и статный красавец стал волен принимать самостоятельные решения, Николай Константинович сдал вступительные экзамены в Академию Генерального штаба на общих основаниях, а закончил с серебряной медалью в числе лучших. Многие пишут, что это был первый великий князь Романов с высшим образованием. Вполне достойно уважения.

– И что потом?

– В 21 год Николай Константинович уже командует эскадроном лейб-гвардии Конного полка столицы. Парады, смотры, балы. Вхож в лучшие дома Санкт-Петербурга и может составить великолепную партию для многих красавиц...

– Что помешало? – Витька уловил намек в интонации рассказчика.

– Действующему императору Александру II пятьдесят три года. У него имидж реформатора и освободителя, только денег в казне нет. Крымская война 1853-1855 годов разорила страну. Странная продажа Аляски, кстати поддержанная отцом нашего героя в 1867 году, популярности не прибавила. Задуманные реформы внутри страны приводят к обострению конфликтов. Плюс польский вопрос, породивший после раздела Речи Посполитой еврейский вопрос, поскольку к России отошли земли, где проживала пятимиллионная еврейская община.

– Не понял связи.

– Отец нашего героя был одно время наместником в царстве Польском и проводил там реформы по указанию своего брата – императора Александра II. Очевидно, преуспел, поскольку на него было совершено покушение. Какой-то портной... Ярошинский, если не ошибаюсь, стрелял в упор. Врачи наместника спасли, но иудеи запомнили.

– Было продолжение этой истории?

Олег лишь грустно улыбнулся и продолжил.

– За поражением России в Крымской войне последовало заключение Парижского мира между Антантой и Россией. Англия добилась запрета для России иметь военный флот и крепости на Черном море, да и вообще стремилась не допустить возрождения нашей страны, добить ее и поделить на куски. А тут еще русские затевают присоединение земель на своих восточных границах. Англия ищет недовольных в России, чтобы через них влиять на политику правительства. У многих еще свежи воспоминания об убийстве императора Павла I собственными гвардейцами и царедворцами, причем с участием родного сына Александра.

– Но Павел был самодуром, – осмеливается вставить свое замечание Королев.

– Это точка зрения навязана нам, как и норманнская теория создания русской государственности, как и появление христианства, как и «возникновение» письменности... Павла I удавили в собственной спальне за то, что он договорился с Наполеоном о совместном походе русских казаков и французской конницы в Индию. Англичане считали ее своей вотчиной и пошли на цареубийство. Будет интересно, почитай об этом. Ну, или о том, что Рюрик был

призван на воинскую службу, как наемник, а не царь. Его ведь в Новгород не пустили, только разрешили построить себе неподалеку Городище.

Олег глотнул остывший кофе.

– Павел для многих в столице был опасен своими идеями. Представь, император встает в шесть утра и ездит по столичным министерствам проверять, когда приходят на государственную службу чиновники, запрещает длительные отпуска в армии, пресекает казнокрадство, для укрепления рубля собирает все серебро в Зимнем дворце и чеканит из него монеты. Ну, занимался «шагистикой» в армии, так и сейчас ее практикуют. Это профессиональная слаженность, чувство локтя расчетов не только на земле, но и, как это ни странно, в небе, на воде и под водой. Мы потому и гордимся своими парадами на 9 мая, а враги боятся. Они еще китайские парады не видели...

Пыха молча слушал своего школьного друга, открывавшего совершенно неизвестные страницы истории его страны.

– Извини, я о своем, о девичьем, – улыбнулся Олег и продолжил. – Примерно в то же время, когда была сделана фотография в семейном кругу, борьба за власть наметилась и в России. Константиновичи против Александровичей. Одни были готовы выдвинуть преемником императора – известного тебе Николая Константиновича, другие – Александра Александровича. Они были двоюродными братьями, только Александр чуть старше. Но. Совершенно разные характеры. Разное образование. Разные интересы. Александр это – грузный увалень, прозванный в семье «Сашка медведь». Собственно, в преемники Александра II готовили не Александра Александровича, а его старшего брата – Николая Александровича, но он вдруг умер в Ницце. Александровичи срочно начали готовить на замену «Сашку косолапого». И тут у них появляются сторонники...

Королев вопросительно приподнял брови.

– В России действует закон об ущемлении в правах иудеев – черта оседлости, прием на государственную службу и получение высшего образования для них существенно затруднены... И тут на горизонте появляется статный двухметровый красавец, самостоятельно получивший блестящее военное образование, в чине полковника командует эскадром, достойный продолжатель дела отца, которого хотели убить несколько лет назад в Польше за проводимую политику. Хотя устранять его физически вроде бы рановато, а вот неожиданная встреча вполне подойдет.

– Женщина?

– Ну, конечно! Молодой офицер встречает на балу очаровательную красотку. Некая Фанни Лир из Парижу. На самом деле разведенная американка из Филадельфии Гетти Блэкфорд, незадолго до этого открывшая салун во французской столице. А еще точнее это – Гетти Эйли, сбежавшая из семьи священника и обвенчавшаяся без согласия родителей. Амбициозная содержанка из Парижа, перебралась в Россию в поисках лучшей доли.

Хозяин решил сделать паузу, понимая, что разговор затянулся, и направился на кухню.

– В те времена для молодых отпрысков императорской семьи считалось нормой иметь любовниц из актрис или балерин. Примеров немало. Главное было уберечь наследников от необдуманных поступков или, упаси Боже, морганатических браков. Шалости, интрижки с певичками, циркачками даже поощрялись. Однако, между Николенькой и Фанни вспыхивает страстный роман. В интернете можешь найти перевод мемуаров госпожи Лир о тех событиях, опубликованный ею в Париже. Интересно, что по указанию нашего императора первый тираж был почти полностью скуплен русской разведкой в Европе и уничтожен, но потом появились и другие.

Корень насыпал по две ложки сахара и растворимого кофе в чашки себе и благодарному собеседнику.

– Надо сказать, что папенька Николая Константиновича, младший брат действующего императора Александра II, был еще тот шалун. У великого князя пятеро детей в законном браке, а он закрутил интрижку с другой дамой. Та родила ему еще четверых ребятишек. Злые языки поговаривали, что он ее даже в своем великокняжеском дворце поселил. С детьми. Ну, тут я не берусь что-либо утверждать. Богатые тоже плачут.

– Значит, американка была кем-то подослана? – предположил Пыха.

– Документов таких никто не предоставит, но как-то все очень вовремя, и в нужном направлении. Романовы взволновались серьезным увлечением Николая Константиновича заезжей содержанкой и решили отправить полковника на войну, дабы дурь из неугомонной головы выбить. Благо тогда началась компания по присоединению части Хивинского ханства к России. Это область на территории современного Узбекистана тогда называлась Туркестан. Было где применить знания военной науки, полученной в Академии Генерального штаба.

– Поэтому и пропали все упоминания об этом претенденте на Российский престол?

– Нет. Николай Константинович в конце 1873 года вернулся в Санкт-Петербург героем. Проявил личную храбрость в тяжелых боях, где poleglo немало его подчиненных, но у внука Николая I ни царапины. Правда, наградили не Георгиевским крестом, а только орденом Святого Владимира 3-й степени и медалью «За Хивинский поход». Причем лишь потому, что часто писал Фанни письма с войны и плевал на все советы доброжелателей. По возвращении в Питер их связь возобновилась с новой страстью. Они даже отправились путешествовать в Италию. Фанни часто упоминала в мемуарах о его дорогих подарках и приобретениях картин известных мастеров.

– Орел... – мечтательно протянул Пыха.

– Блистательный боевой офицер, внук ушедшего императора и племянник действующего, живет в Мраморном дворце неподалеку от Зимнего, кутил на балах и мужских пирушках. Он в состоянии делать подарки любимой женщине. Но...

– Ну, не томи, Корень!

– Случилось странное происшествие.

– В апреле следующего 1874 года мать Николеньки заявила о пропаже трех бриллиантов. Вызвали полицию. Началось следствие... Сыщики отыскивали пропавшие камни в столичном ломбарде. Некий поручик Варнаховский признался, что сдал их туда по поручению Великого князя Николая Константиновича, который якобы выковырял их саблей из оклада иконы маменьки. Да не простой, а той, которой покойный император Николай I благословил брак его родителей...

– Что за бред! – возмутился Королев.

– Я тоже так думаю, но эта байка уже более века черной меткой прилипла к судьбе блистательного полковника. Сомневаюсь, что великий князь, не найдя денег на подарок Фанни, осквернил святыню матери и своей семьи. Нет, он человек чести. Однако, это вранье повторяют из года в год такие источники, как Википедия.

– Кто же ее сочинил?

– Те, кто переписывал историю нашей страны. Те, кто был осведомлен, о том, что члены императорской семьи не ходили по магазинам с кошельком. Они расплачивались за покупки расписками, которые потом обналачивал финансовый отдел, занимавшийся делами семьи Романовых. В конце концов, у каждого из августейших особ был счет в банке и каждый получал из казны ежемесячно крупную сумму на содержание. По закону. Помимо того, они владели дворцами и удельными поместьями, с которых получали доход. Допускаю, что можно было проигратся в карты или прокутить значительную сумму. Но. Ковырять саблей икону, которая всегда на видном месте, и маменька каждый день молится перед ней... Изуродовать семейную реликвию... Надо быть уродом, а не вести за собой в бой эскадрон, зная, что половина не вернется.

– Мать поверила, что ее старший сын на такое способен? – Пыха откинулся назад, словно от мощного удара. – Бред какой-то! Я вырос в простой семье и не говорил с родителями на вы, но чтоб такое...

– Ты не знаком с психологическими методами воздействия на человека. Тора хранит немало секретов управления личностью и толпой. За тысячелетия эти знания было собраны и сформированы в мистическую науку... Шокирующая новость моментально воспринимается и запоминается. Причем, выбить ее из памяти невозможно. Даже если человек до конца не верит в нее, он живет с ней всю жизнь... Многие бездумно повторяют. Немало таких, что считает, что возвысится над жертвой, если расскажет кому-то шокирующую сенсацию. Да еще сам добавит подробностей... Это один из секретов нашей психологии. Ну, а кто выбирает эту профессию ты, наверное, в курсе.

– Полковник не защищался?

– Была очная ставка Никлая Константиновича и его адъютанта, утверждавшего, что камни ему передал великий князь. Присутствовали император Александра II, отец обвиняемого и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии граф Шувалов.

– О как! – удивленно воскликнул Пыха.

– Скандал был немаленький. Император поручил Петру Андреевичу лично провести следствие. По воспоминаниям Константина Николаевича, отца обвиняемого, Николай не раскался, как его только ни упрашивали. Не плакал и не молил о прощении. Был сдержан и спокоен. Поклялся на Библии, что не совершал этого.

– Замяли?

– Нет! Хотя другим Романовым все тихо прощали и не предавали огласке. Двор шушукался, конечно, однако семья императора была выше закона. А тут никто не заступился. Великого князя Николая Константиновича объявили сумасшедшим. Вычеркнули из гвардейских и полковых списков, выпускников академии, лишили звания полковника и наград, запретили носить военную форму и упоминать в императорских хрониках.

– Жестко...

– Еще и выслали из столицы под надзор полиции.

– Что ж так сурово-то? – не отставал Пыха.

– У меня рассеялись последние сомнения об истинной причине выбранного наказания, когда прочел одну фразу в письме Александра II лично Шувалову... Близко к тексту звучит так: пресекать любую возможность морганатического брака.

– Убрал конкурента на корону?

– Как только встанешь на эту точку зрения, все вопросы отпадают. Жесткая прямолинейная логика. Не знаю, кто придумал, но реализовать это мог только один человек в империи. Кстати, в том же 1874 году Шувалов получил отставку с поста руководителя всех жандармов и был направлен послом в Лондон, что существенно ниже в статусе.

– Но у Константиновичей было еще трое сыновей.

– Одного из них ты, может, и помнишь, – грустно усмехнулся Олег. – Великий князь Константин Константинович Романов, младший брат нашего героя, стал поэтом и публиковал свои вирши под псевдонимом К.Р. На склоне лет ему был пожалован чин генерала от инфантерии. Он никому не мешал в отличие от высокого статного красавца, самостоятельно получившего высшее образование, боевого офицера, который увлекал за собой эскадрон в самое пекло сражения, имевшего свое мнение о многом и смело его высказывавшего, умный, независимый, дерзкий.

– И что с ним стало?

– О, это совсем другая история, о которой тоже быстро забыли, потому что вскоре Россия вступила в войну с Османской империей на Балканах.

Глава V

– Пацаны! – Серый радостно сгреб в охапку друзей, стоящих у порога загородной дачи. – Как же я рад вас видеть!

– Лучше ослабить удушающий захват, – в шутку прошептал Корень, – а то смотреть будет не на что.

– Ты его можешь держать, а меня отпусти, – подыграл Пыха. – Я носитель ценной информации.

Хозяин приподнял обоих за плечи и, смеясь, внес в дом.

– Сережа, – всплеснула руками миниатюрная женщина, вытирая руки о передник, – отпусти мальчиков. Сломаешь что-нибудь.

Здоровяк беспрекословно подчинился, виновато глядя в пол как провинившийся школьник, но не переставал широко улыбаться. Не зная куда девать руки, запустил здоровенную пятерню в свою густую шевелюру соломенного цвета.

– О, спасибо, драгоценная принцесса Фиона, – пропищал тоненьким голоском Пыха.

– Ты вырвала из рук беспощадного Шрека одного из величайших...

Он не успел закончить пышную фразу, которую продолжил Корень:

– Болтуна на свете...

Дальнейшее утонуло в дружном хохоте, на который из соседней комнаты выскочила пара коренастых мальчишек лет восьми – десяти. Очевидно, они уже привыкли к таким сценам и с визгом запрыгнули на Королеву, повиснув с двух сторон. Через минуту внешне неунывающий «дядя Витя» взмолился о пощаде.

– Выкуп, – пропищал он, – предлагаю выкуп!

– Выкуп! – подхватили оба наследника Шрека и Фионы.

Родители не успели возразить, как оба вымогателя получили по шоколадному батончику с орехами и пулей вылетели на улицу. Не зря синий «Форд» по дороге на дачу остановился у придорожного магазинчика. Тем временем Олег подошел к Светлане и что-то шепнул ей на ушко. Та отстранилась, удивленно глядя на гостя, но тут же кивнула и последовала за сыновьями.

Корнеев скинул с плеча рюкзачок и приложил палец к своим тонким губам, серьезно глянув на хозяина. Тот понял намек и молча указал на диван, а сам с любопытством стал поглядывать на гостя. Олег аккуратно вытащил из рюкзака небольшое устройство и подключил к нему складную антенну. Затем надел наушники и стал медленно продвигаться по комнате, словно щупом обводя антенной стены и мебель. Виктор и Сергей следовали за ним отчего-то заложив руки за спину.

Так прошло минут десять.

– Две закладки, – Корень снял наушники.

– Посмотрю на эти жучки дома, тогда скажу что-нибудь путное. Пока они у меня в карантине.

– Как и мы все, – неожиданно зло проговорил Копылов.

– Надеюсь, ты понял, зачем к тебе приезжал следователь? – Олег серьезно глянул на хозяина. – Обычно они вызывают на беседу в свой кабинет.

– Светка сказала, что потом еще какой-то хмырь заявился, – растерянно добавил Сергей.

– Частный детектив, представляющий интересы семьи погибшего Михаила.

– Очевидно, они проверили у провайдера список последних звонков Шмата, – предположил Олег, – так на тебя и вышли.

– Да он вчера несколько раз названивал, – здоровенная ладонь хозяина сжалась в кулак.

– У меня-то выходной, а тут погода грибная...

– И что следовательно? – бесперемонно оборвал его Корень.

– Ничего конкретного. Только он все расспрашивал, что я делал между 19.00 и 20.00. А я вечером сбегал в соседний лесок. Соседи говорят, лисички пошли, вот я и наладился с корзинкой. Детвору не брал, а то придется их искать, а не грибы. Но не повезло, пустой вернулся.

– Не буду тебя пугать, – тихо добавил Олег, – но теперь не проблема найти троих свидетелей, которые в один голос подтвердят, что видели именно тебя, в нужное время и в нужном месте. Стоит недорого.

– И кому я помешал? – искренне недоумевал здоровяк.

– Тем, кому нужна карта памяти, которую Шмат хотел спрятать. Звонить Пыхе напрямую он не мог, потому что подозревал или знал о прослушке. Он отвлек любопытных на тебя и спрятал карту памяти так, чтобы Витек ее нашел.

– Меня так просто просчитать? – удивился Королев.

– Шмат хитрый, – серьезно ответил Олег.

– Он знал все особенности и привычки каждого из нас.

– А кто мне жучков подобрал?

– Если жучки разные, то оба гостя. Это я посмотрю сегодня. Хотя, возможно, что и отпечатки остались. Они же не в перчатках в гости заходили. Тогда будет информация для поиска.

– Корень, ты стал заниматься прослушкой? – хозяин набылчился, глядя на бывшего одноклассника.

– Нет, – спокойно пояснил Корнеев. – У нас был заказ на разработку охраны для метро. Детекторы на взрывчатку, наркотики, радиоактивные изотопы, распознавание лиц. Ну, мы еще турникеты сделали, в которых вертушку нужно рукой поворачивать. Там набор вставок, одну из которых проходящий обязательно коснется, чтобы открыть. Изнутри вставки вертушки заполнены гелием под критическим давлением. Любое прикосновение меняет распределение статического электрического заряда на вставке. Это проявляется в изменении молекулярного слоя на внутренней поверхности при контакте, повторяя рисунок на коже. Лазер за миллисекунду сканирует эту картинку изнутри. Компьютер за секунду проверяет совпадение в базе отпечатков, попавших в розыск. Если нужно, дает сигнал охране. Внешне этот процесс никак не проявляется.

– И что теперь они в метро стоят? – недоверчиво улыбнулся Серый.

– Нет. Заказчик забраковал вертушки, потому что в метро нужно обеспечить быстрый сквозной проход. Я пробовал хотя бы запатентовать разработку, но мне объяснили, что мы лаборатория секретная и светиться не должны... Правда спустя некоторое время прочел в международном реестре о новом патенте на свою работу, выданную какой-то компании в штатах.

Друзья помолчали, признавая себе, что разговоры взрослых о переменах, которые все с такой надеждой ждали четверть века назад, так и не наступили в их стране. Обещанное еще раньше их дедам и прадедам в лозунгах, так там и осталось. На их недолгом веку землю и заводы поделила между собой кучка пришлых. Кто был никем, так ни с чем и остался. Пока они молоды, могут что-то заработать на жизнь, а как будут выживать в старости, лучше не думать.

– Что-то вы загрузили, мальчики, – в дверях появилась Светлана, прижимая к себе двух сыновей, так похожих на Серого. – Не пора ли нам за стол?!

Она была все такой же озорной красавицей с огромными, сияющими добром и светом глазами. Королевой их маленькой страны. Два десятка лет они называют Серого Шреком, а ее – Фионой, пряча за этим свою давнюю привязанность и школьную влюбленность.

– Спасибо, Свет, – в один голос ответили гости, – мы поедем.

– По рюмочке, – подхватил предложение супруги Серый, – на дорожку...

– За рулем, – попытался увильнуть Пыха.

– Да оставайтесь, – настаивала хозяйка, – мы с детьми наверху устроимся, вы – здесь.

– Я на съемке вчера был, – соврал Витек, – надо материал разгребать. Клиент торопит.

– Да и у меня дела, – ушел в глухую оборону Корень.

– Тогда в следующий раз чтобы каждый с коньяком приехал, – с напускной серьезностью объявил хозяин. – Иначе на порог не пущу.

– Ладно, – хихикнул Пыха, – на крылечке по бутылочке выпьем и постучимся. Попробуй только забыть свое условие.

– Болтун, – не смог сдержать улыбку Серый.

– Я тогда парочку захвачу, – резко встал Олег, не любивший прощаться. – Одну точно разопьем вместе, а пока мне нужно разобраться на трезвую голову с фактами и подумать, как тебе помочь. Если честно, ситуация не в твою пользу. Времени мало, так что не будем его терять. Потом мы обязательно посидим вместе за столом и вспомним, как учили Пыху завязывать галстук.

Все искренне улыбнулись, и на душе стало легче. Они все еще были вместе. Обнявшись, трое молодых мужчин, молча прижались лбами. Серому пришлось чуть наклониться и положить свои сильные руки им на плечи. Это уже стало традицией.

По проселочной дороге ехали молча, медленно объезжая кочки и ямки. На шоссе «Форд» побежал веселее, и Олег неожиданно произнес:

– Ты подключи свою память на анализ картинок в интернете. Просмотри светскую хронику, скандалы, новости... Нужно твоего капитана отыскать. Скорее всего отсиживается на той даче, но зачем-то он приехал. Возможно, важная встреча или переговоры... Хотя нет... В так называемую пандемию, переговоры можно и по скайпу провести, на худой конец подключить скремблеры к телефонам и закодировать голосовой трафик... Не-ет. Он специально в это время приперся, когда можно в маске по улице пройти и не «светиться». А еще можно что-то важное поискать в таком месте, где обычно всегда народ толкался, а сейчас его можно и не пушать туда...

– Почему ты так решил? – удивился логике Корнеева Пыха.

– Я бы так и сделал на месте наследника.

– Наследника чего?

– Наследства, – передразнил его Олег. – Шмат осознанно передал карточку памяти с той записью именно тебе. Он знает, что ты – один из миллиона, который сможет сопоставить лица двух родственников, разделенных несколькими поколениями. Именно поэтому Шмат и вывел тебя из круга возможных подозреваемых, почувствовав опасность. Он был уверен, что ты обязательно пошаришь с обратной стороны столешницы, теряясь в своих догадках о причинах выпрошенной встречи. Мы ведь помним украденный кадр и не простим. Обратись он ко мне, я бы дал в морду, ты бы послал подальше и не приехал, а Серый добряк по натуре, вот он через Шрека тебя и выманил.

– Что же он меня не дождался на заправке? Ведь приезжал...

– Возможно, Шмат планировал поговорить с тобой, но внезапно заметил опасность, – резонно предположил Корень. – Времени на размышления не было. По привычке или осознанно прилепил карточку памяти и дал деру. Возможно, считал ее очень ценной и боялся, что она попадет в чужие руки. Быстро спрятал, чтобы потом вернуться... Рванул к Серому.

– Думаешь, за ним кто-то охотился?

– Судя по результату, именно так и было.

– Допустим, ты прав, – завелся Витек, – а как он вообще попал в эту историю?

– Это просто моя версия. Так могло бы быть...

Пыха мельком глянул на сидящего рядом Корнеева. Тот улыбался своим мыслям, стремительно обрабатывающим полученную информацию и молниеносно выкидывающим версии. Таким Олег был в школе. Никого не слушал, когда решал задачки. Быстро и по-своему.

– Тогда получается, что Шмат вместо меня подставил Серого под удар.

– Любый следователь быстро поймет, что Серега тут ни при чем. Ни выгоды, ни угрозы Шреку от Мишки не было. Другой вопрос, что некто планировал убийство Бронштейна, слушал его сотовый и наблюдал за дачей, куда Шмат звонил. Мы же с ним не общались, значит наших номеров в списке его звонков за последнюю неделю нет. Вот Серегу и начали трясти первого. Пока не добрались до нас, нужно понять, что нарыл Шмат и кто его грохнул.

– Погоди, так трафик сотовых телефонов кодируется, – возразил Королев. – Ходил слух, что Стива Джобса заразили раком, как неугодных президентов Уго Чавеса и Эво Моралеса, за то, что он не открыл ЦРУ коды для дешифровки разговоров террористов, использующих «iPhone». Даже после вызова на разборку в Конгресс Джобс не сдался.

– Ну, о решении Конгресса по этому вопросу кто-то явно соврал. Принципы передачи и кодирования в стандартах систем подвижной связи известны. Ты забыл скандал пятилетней давности, когда ЦРУ прослушивали разговоры Меркель и Макрона. Другой вопрос, что 3G работал на скорости 2 Мегабит в секунду, а 4G – уже 100 Мегабит. Везде ставят вышки для 5G, а это 38 Гигабит. Добавь три нолика справа, если забыл курс физики. Пока ключи подберут, информация теряет актуальность.

– Как же кто-то может прослушивать мой сотовый?

– В России принят закон обязывающий каждого провайдера сотовой связи транслировать разговор не только адресованному абоненту, но и копировать его в центр хранения. Попробуй не передать ключ шифрования – лицензию отнимут, и срок за нарушения закона дадут. В России два независимых хранилища всех сотовых разговоров. Хранения 10 лет. При этом те, кому положено, в экстренном порядке могут прослушивать любые разговоры. На кону безопасность страны. Не у всех есть такой допуск, но достаточно заинтересовать дежурного инженера...

– Корень, ты хочешь сказать, что и Шмат все это знал?

– Не думаю. Он хотел встретиться с тобой и что-то обсудить. Тема понятна из записей на попавшей в твои руки карты памяти. Хотя не исключаю, что он бежал к Сереге, чтобы спрятаться, а в обмен вез второй комплект записи. Был ли второй комплект и попал ли он в руки тех, кто догнал Шмата – вопрос... Высадишь меня у метро, а сам проверяйся, когда домой пойдешь. Возможно, они пока о нас с тобой не знают. Если все спокойно, кинь мне СМС-ску ровно за четверть до полуночи с таким текстом – «приехать не смогу». Любый другой текст скажет мне о том, что ты уже под контролем.

– Корень, тебе нужно детективы писать.

– Не опубликуют.

– Это почему?

Олег улыбнулся, как-то сторбился и бойко закартавил, – «группа товагищей, кугигу-ющая современную гусскую литегатугу, утвеждает – лигики, пгозаики, сцнагисты, кгитики, литегатогры гождются гешительно евгеями...»

Он выпрямился и спокойно добавил, – а я русский.

В салоне «Форда» воцарилась тишина. Оба школьных друга начали ощущать опасность, словно только что перешагнули какую-то осязаемую черту. Это было неприятное состояние, от которого хотелось побыстрее избавиться, и Пыха неожиданно спросил:

– Голосовать пойдешь?

– Нет. В изменениях Конституции нет главного. Вопросы о деньгах. Дедушка Ленин в 1917 тоже красиво говорил – землю – крестьянам, фабрики – рабочим, умолчав о деньгах. Все зарабатывают, а кто и как будет делить? В любом деле это главное, потому за это безжалостно убивают и друзей, и родственников.

– Но великого князя Николая Константиновича не убили.

– Хуже. Его стерли... – отрезал Олег. – Там за перекрестком тормозни, я выскочу.

Пыха притер «Форд» к бордюрному камню около метро, на одной линии со станцией, рядом с домом Корнеева. Олег быстро смешался с группой людей у входа. Он никогда не любил прощаться, часто обрывая общение на полуслове.

Глава VI

Дома Пыха почувствовал себя неуютно и одиноко. После свадьбы с Натальей родители разменяли их большую двухкомнатную квартиру в старом доме по Хлыновскому тупику на две однокомнатных в спальных районах. Тогда какой-то богатей предложил всем жильцам переехать в другие квартиры, а из их старого дома сделать элитное жилье с магазином на первом этаже. Кто-то сопротивлялся, кто-то соблазнился жильем в новых квартирах хотя и не в центре. Так или иначе теперь в их доме живут другие жильцы в совершенно других квартирах.

Кроме воспоминаний о доме, где он вырос, у Витьки осталась старая кровать, стоявшая когда-то на втором этаже четвертого дома по Хлыновскому тупику. Он в шутку иногда говорил себе, что так и не вырос из своей кровати, и даже если теперь поднимется в ней на цыпочки, все равно никогда не увидит свою 123-ю школу напротив. Старший брат вообще уехал во Владивосток, махнув однажды на все рукой. В столице появляется редко, хотя мать еще надеется и повторяет, что свою квартиру завещает старшему сыну.

Мысль о наследстве неожиданно вернула Королева к событиям прошедшего дня. Фраза Олега о возможном наследнике, который и заварил всю кашу или тех, кто узнал среди прибывших в Москву наследника, неожиданно взбудоражила воображение Пыхи. Он даже прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться на замелькавших в сознании образах, увиденных когда-то царей, придворных и чиновников самых разных времен и званий. Из неведомых уголков и закоулочков его безграничной памяти всплывали, словно пузырьки со дна, картины и фотокарточки, портреты и группы, мужчины и женщины, в ярких одеждах и с разными прическами, бородами, бакенбардами и в париках, нарумяненные или напудренные, генералы и кавалергарды, гусары и даже княгини в военной форме.

Обычно важные события в жизни или просто встречи люди хранят в семейном фотоальбоме, у Пыхи же они не просто сохранялись бесконечно долго в его необыкновенной памяти и жили там по своим законам. Иногда вырывались, произвольно заполняя сознание, словно видения, которые он с трудом отличал от реальности. Они не давали ему сосредоточиться в школе на какой-нибудь задаче или ответить на простой вопрос учителя. Волна застывших мгновений разных времен могла неожиданно накрыть его, что называется с головой, вырывая из реальной жизни. Только вот картинки из учебников с изображением ученых, их именами и датами, которые он мог детально описать, не связывались в логическую цепочку рассуждений. Безликие формулы или теоремы Пыха не запоминал, его интересовала только личность.

Он любил деда Колю и мог легко запомнить сложную последовательность действий при ремонте его «Лейки», каждый раз переводя взгляд с какого-нибудь винтика на сосредоточенный взгляд или недовольное лицо старого мастера. Дед и его выдавший виды фотоаппарат сливались воедино в сознании пацана, сядившегося напротив Николая Александровича и впитывающего каждое его движение.

Сегодня весь вечер и ночь были посвящены поискам в интернете. То и дело семейное фото 1867 года, на котором семнадцатилетний юноша в военной форме, названный Королевым капитаном, вспыхивало в сознании любителя фотографии. Великий князь Николай Константинович, чуть облокотившись о спинку стула, возвышался над сидящими ниже. Фотограф не случайно ближе всех к нему расположил двух сверстников, как бы определив их дальнейшие судьбы. Великая княжна Ольга станет королевой Греции, а королем – ее сосед слева, едва сдерживающий счастливую улыбку.

Пыха увлеченно сравнивал каждое подходящее изображение на мониторе и в памяти. Оказалось, Дом Романовых последние десять лет существенно активизировался в пропаганде наследника Российского престола. Хитросплетений в том было очень много, но разбираться в них желания вообще не возникало. Ну кто, скажите, мог серьезно относиться к какому-то

упитанному мужчинке или такой же пышнотелой даме за пятьдесят, заявляющих свои права на корону Российской империи, хранящуюся в Алмазном фонде. Как утверждают серьезные публикации, это национальное достояние, и корону вообще запрещено выносить, разве что, по личному распоряжению Президента РФ. Даже копия короны, созданная специально для выставок и демонстраций застрахована на 100 миллионов долларов. Хотя некоторые его сограждане с удовольствием получали какие-то награды из рук «законных» претендентов на трон и широко улыбались на совместных фото. Что было созвучно фразе героя одной фривольной рекламы – «а что, а вдруг!».

Копии фотографий с великим князем Николаем Константиновичем встречались нечасто, и в основном это были варианты кадров, сделанных до сурового приговора его дяди Александра II. Чаще попадались сообщения о эпизодах его дальнейшей жизни, однако это были какие-то обрывочные и противоречивые заметки. Изгнанник жил во многих городах, занимался самым разным предпринимательством, даже построил оросительный канал длиной в сто километров. Был трижды женат и якобы построил себе дворец. Однако, Пыха не хотел в них разбираться, докапываясь до истины. Для него вся эта информация была похожа на первые кадры новичка, на которых то ноги обрезаны, то столб с проводами посредине, то черный контур здания, снятый против солнца.

Витька оставлял эту кучу для дотошного Корнеева, а сам искал только фотографии. Увы, все, что удалось отыскать сводилось к нескольким кадрам обрюзгшего, совершенно лысого мужчины с каким-то мутным взглядом, очень плохого качества, которые никак не перекликались с лихим полковником, увлекавшим за собой эскадрон навстречу смерти.

К удивлению Королева, в интернете отыскалась фото второй сестры великого князя Николая Константиновича. Она отсутствовала на семейном фото 1867 года потому, что при возвращении семьи из Варшавы, где отец несколько лет занимал должность наместника Российского престола в Польском царстве, великая княжна Вера была оставлена на воспитание у бездетной тетки в Штутгарте. Та была, ни много ни мало, королевой Вюртемберга – солидной исторической области в Швабии. Одни источники утверждали, что это было подготовкой великой княжны к династическому браку с герцогом Вюртембергским. Другие связывали это решение с психическим здоровьем великой княжны, намекая на такую же болезнь ее старшего брата Николая Константиновича. Тут даже у Пыхи возник законный вопрос – всех душевнобольных принимали в академию Генерального штаба на общих основаниях и, после выпуска с серебряной медалью, присваивали воинское звание полковника? Так или иначе, на роскошной свадьбе, укрепившей связи России и Вюртемберга присутствовал император России Александр II. К сожалению, брак великой княжны оказался недолгим – ее супруг внезапно умер после трех лет совместной жизни. Вера Константиновна в Россию не вернулась, считая Германию своей второй Родиной.

Чем больше Пыха знакомился с судьбами Константиновичей, тем больше удивлялся, почему такой огромный интересный слой истории России неизвестен широкой публике. Почему на российских телеканалах чаще говорят о Египте, Риме, Греции или скандалах Собчак? Убеждают голосовать за поправки в Конституции, которые не дадут исказить историю страны, не объясняя кто против, кто оплачивает вранье и что изменится, если такую поправку примут. И уж совсем Королеву было непонятно, что происходит в США. Неужели в их Конституции разрешено сносить памятники основателям государства? Хотя, если вспомнить, то и на его недолгом веку убрали памятник Дзержинскому с Лубянки. Всегда проще обвинять одного, подразумевая, что все стоящие рядом были против.

Час за часом Витек вглядывался в монитор, отмечая современную шелуху и пытаясь найти следы великого князя Николая Константиновича, но фотографий человека с чертами лица, похожего на офицера, названного им капитаном, не было. Даже современной фотографии то ли бала, то ли маскарада в честь 400-летия Дома Романовых, где мужчина, названный

Пыхой капитаном, был облачен в римскую тунику, так и не нашлось. Она была только на карте памяти, оставленной Шматом под столешницей в кафе на заправке. Что-то тут было не так, но увидеть логику Королеву было не под силу. Возникло желание хлебнуть крепкий кофе и отдохнуть.

Ночная прохлада обняла, едва он вышел на балкон. Было тихо. В северной части темного неба мелькали всполохи дальней грозы. Пахло надвигающимся дождем. Королеву подумалось, что случайно отыскать сейчас в сети два похожих лица нереально. Даже близнецы для него ощущались по-разному. Как же Шмату удалось снять капитана в какой-то компании? Надо понять, кто его в тот момент окружал.

Идея понравилась, и Пыха стал вглядываться в лица короткого видео фрагмента, зафиксировавшего капитана в каком-то ресторане или большом зале. Снимающий оратора с бокалом в руке, медленно «наезжал» на него, чтобы лицо получилось крупно и во всей красе. Две-три секунды на втором плане, в отгороженном диванчиками уголке, за накрытым столом сидели трое мужчин. Капитан находился посередине, случая собеседника слева. Оратор, судя по неуверенным жестам, уже был навеселе, но капитана это не смущало. Спокойный, едва насмешливый взгляд, точь-в-точь, как на фото Левицкого, сделанного в далеком 1867 году. Ошибки быть не могло. Пыха был убежден, что эти два человека близки по крови.

Тут он заметил официанта, мельком попавшего в кадр. Увеличив изображение и просмотрев еще несколько повторов, Витек разглядел у того краешек светло-голубой маски с резинкой на ухе... Корень был прав, капитан приехал в последние пару месяцев, когда в общественных местах нужно было носить маски. Хотя посетители за столами, конечно, жевали без масок, диапазон дат съемки стал понятен. Скорее всего, действие происходило в каком-нибудь загородном ресторане, а наличие строгих законов в России не характерно их исполнением. Как говорят некоторые водители – если в нужном месте поворот запрещен, всегда найдется платный.

Приглядываясь к интерьеру ресторана, Пыха разобрал фирменную эмблему на тарелках. Голубой кораблик с большим парусом. На лежащем меню мелькнула строчка, известная со школы, но отредактированная – «Белеет парус одинокий, но как его теперь найти.»

Полистав список дорогих загородных ресторанов, он нашел подходящий под названием «Парус». Расположенный километрах двадцати от развязки МКАД на берегу водоема, вдали от любопытных глаз. Очевидно, местную речушку перегородили и устроили уютную заводь. Реклама просто манила посетить это замечательное место с хорошей дорогой, заканчивающейся бесплатной стоянкой. Мелким почерком был указан средний чек, равный половине учительской зарплаты.

Королеву иногда перепадала подработка – поснимать дорогую свадьбу в таком ресторане. Он набрался наглости и позвонил по указанному номеру, несмотря на поздний час. Спросил, не находил ли кто из персонала дорогой сотовый, а то он несколько дней назад потерял, но не помнит, где. Ему попробовали возразить что ресторан не работает по известным причинам, но уверенный тон, специальный жаргон и удивительно точное описание внешности официанта в нежно-голубой маске были ключиком, открывающим подобные двери. Оказалось, три дня назад такое могло произойти, но телефон не находили.

Интуиция подсказывала, что искать двухэтажный дом на аккуратно подстриженной лужайке с подсвеченными тропинками, одна из которых ведет на мосток тихой речушки, нужно поблизости ресторана «Парус». Окрыленный маленькой победой, фотограф приступил к новому поиску.

Время остановилось в его сознании. Он даже забыл сделать паузу и выпить кофе, чтобы уставшие глаза смогли отдохнуть от постоянного напряжения. Чувствуя себя охотником, взявшим след редкого уссурийского тигра, блуждающего где-то в заснеженной тайге, Пыха упрямо шел за ним, с каждой попыткой сужая район поиска. Попутно он отмечал повторы и перепевки

в рекламе современных агентств, которые не столько изобретали свое, сколько заимствовали уже придуманное кем-то. Обман и откровенное копирование стали инструментом в конкуренции. Никто не отвечал за свою работу, а просто выполнял заказ.

Три компании эксплуатировали одну тему в рекламе элитных загородных коттеджей. Сюжет удивительно похож. Хорошенькая хозяйка в легких одеждах ранним утром, выставляет на маленький подоконник горшочки с яркими цветами. Открывая очередное окно, она сталкивается нос к носу с отважным поклонником, успевшим только что положить на подоконник огромный букет. Хозяйка возмущена и уже готова выкинуть букет, чтобы освободить место для горшочка с любимым цветком, как вдруг рядом с ним ярко вспыхивает бриллиант золотого колечка, так удачно совпадающий с размером ее изящного пальчика. Тут же из кустов под окном красавицы появляются скрипач и пианист. Звучит трогательная мелодия и голос за кадром – «только в наших домах вы найдете свое счастье». Камера откатывается назад, давая зрителю полюбоваться чудесным пейзажем зеленой лужайки, на котором стоит именно тот дом.

Однако Королев не дремлет. Лишь в одном рекламном ролике он узнает на лужайке три тропинки, одна из которых ведет к мосточку тихой речушки. Эта компания продает «счастливые» дома с участками вдоль восточного берега подмосковной реки Знаменка. Благоустроенные деревянные срубы в два этажа с готовой инфраструктурой, обслуживаются и охраняются дочерней компанией застройщика. Вдали от городской суеты, но до МКАД-а десять минут по хорошей асфальтированной дороге, где ездят только свои.

С чувством выполненного долга Пыха быстро заснул. Словно наяву он встречался в своих видениях с разными представителями Дома Романовых, с некоторыми из которых успел почти подружиться. И каждому Королев задавал один и тот же вопрос о великом князе Николае Константиновиче. В ответ его визави только загадочно улыбались, намекая на то, что он, Витек, и сам прекрасно знает это.

Глава VII

Пыха был разбужен назойливым звонком в дверь. К нему вообще редко кто-то заглядывал, поскольку фотолюбитель жил в своем мире. Неугомонный звонок просто завывал, требуя внимания.

– Чо надо? – недовольно буркнул хозяин, прошлепав босиком к двери.

– Королев, – голосом училки властно начал кто-то с другой стороны двери, – у вас задолженность за холодную воду. Мы вчера несколько раз приходили, но вас не застали. Сегодня пришли пораньше.

– Я сплю...

– Миленький, ну у меня тоже семья, – сменил интонацию голос училки. – Только счетчик проверить. На минутку...

Пыха сжалился и открыл дверь, не подумав, что стоит в трусах. Впрочем, в следующий момент он пожалел о том, что вообще открыл дверь. Вместо училки в коридор влетел коренастый мужик, и потом кто-то выключил свет.

Королев очнулся от ощущения холодного пола под ступнями. Голова гудела, монотонно и очень неприятно. Сознание медленно возвращалось, собирая воедино разбросанные мысли.

– Кто тебя надоумил звонить в «Парус»? Что ты там забыл?

Пыха хотел встать, но едва не свалился на пол. Оказалось, он сидит привязанным к стулу. В своем доме.

– Сотовый искал, – тихо пробубнил Пыха первое, что пришло в голову.

– Нищebroдов, вроде тебя, туда вообще не пускают.

– Я был на свадебной съемке и потерял сотовый.

– Этот? – мужик схватил со стола простенький коммуникатор хозяина и сунул ему под нос.

– Это запасной...

– А ты на каждой свадьбе теряешь сотовые?

Пыха промолчал. Незванный гость не выдержал, и у Витьки опять потемнело в глазах. Потом все завертелось в голове, словно картинки в его памяти закрутила метель, а понятие верха и низа почему-то слились воедино. Он не хотел этому сопротивляться, отдавшись карусели, устроенной невесть откуда разгулявшейся разноцветной метели в его голове...

Неизвестно через сколько времени солнечный зайчик от полированной поверхности столешницы, на которой стоял ноутбук, заставил Пыху повернуть голову в другую сторону и открыть глаза. В комнате был беспорядок. Вещи из шкафа валялись рядом на полу, книги с полки в беспорядке разбросаны. Через открытую дверь в кухню было видно, что там хозяйничала невысокая брюнетка с короткой стрижкой. Очевидно, ее голос был похож на учительский. Она методично вытаскивала из шкафчиков все, что попадалось под руку и, проверив, сваливала под стол. Спина к Королеву за ноутбуком сидел крепыш, молча просматривая содержимое его папок. Витек тут же окрестил его уродом. Сколько времени шел такой наглый обыск Королев понять не мог и пока решил выждать, не привлекая внимания незваных гостей.

– Слушай, – нарушил молчание крепыш, – у тебя есть что-нибудь? Тут ботва всякая. Он, по ходу, и правда свадьбы «фоткает».

– У меня тоже ничего, откликнулась с кухни учителька.

– Я тут ключи нашел с сигнализацией и документы. Похоже, у него тачка внизу. Может, нычка там...

– Не вопрос...

Учителька сгребла со стола брелок с ключами и на ходу поискала в документах модель автомашины и номер.

– У мальчонки только «Форд» не первой свежести, – пренебрежительно бросила она. – А пальцы всею гнул...

Пыха слышал, как щелкнул замок, открывая дверь, но не защелкнулся, закрывая ее. Он прислушался, но кроме шороха из коридора ничего не донеслось. Медленно обернувшись на него, Витек увидел в дверях комнаты Серого. Тот приложил палец к губам, заметив взгляд хозяина. Потом вопросительно кивнул на сидящего спиной ко входу и показал один палец. Пыха утвердительно кивнул. Дальше все произошло так стремительно, что Королев смог потом восстановить последовательность событий только благодаря своей памяти.

Сергея в один прыжок оказался за спиной сидящего у компьютера. Одной ручищей выдернул его из рабочего кресла, другой поймал и сжал вместе оба локтя ошарашенного неожиданным нападением уroda. В следующий момент со всего маху впечатал того в столешницу и кругообразны движением связал чем-то ладони налетчика у того за спиной.

– Ты как? – не оборачиваясь, спросил он хозяина, придавив мощной рукой связанного крепыша к столу.

– Нормально, – пролепетал Пыха, растерянный не меньше, чем распластаный на столе незванный гость.

– Не дергайся! – рявкнул Серый на попробовавшего пошевелиться мужичка.

– Ты кто такой? – тот все еще пытался освободиться.

– Разведка ВДВ!

Тем временем на столе рядом со связанным появился стилет и выдавший виды «ТТ», найденный Копыловым в карманах чужака. Их хозяин сразу сник, понимая, что сопротивление бесполезно.

– Давай эту кошку до пары, – кому-то громко приказал десантник.

В комнату, крадучись вошел Корень, толкая перед собой учительку со связанными за спиной руками и кляпом во рту.

– Ничего, что я без маски, – улыбаясь спросил Олег. – Одолжил свою даме.

– С перчатками? – хохотнул Серый, заметив из чего сделан кляп.

– Все лучшее гостю, – продолжил в том же духе Корнеев и рывком усадил коротко стриженную брюнетку на пол перед связанным хозяином.

– Не нравится? – не сдержался Серый.

Он грубо сдернул со стола урода и посадил рядом с учителькой. Потом щелкнул откидным лезвием стилета и обрезал слой изолянта, которым связали Пыху.

– Ребятишки хотели с тобой что-то перетереть, – десантник, стоя у пленников за спиной сильной рукой ловко схватил обоих за волосы так, что ударившиеся друг о друга головы издали звук, похожий на раскалывающийся арбуз.

Королев, потирая от удара ноющую челюсть, хотел накинуться на обоих и колотить чем попало, но Серый остановил его.

– Спокойно! Товар надо показывать лицом. Эту я продам таджикам, а мальчишка посажу на цепь в подвале, будет у меня старшим по картошке. Я в этом году две сотки посадил. Уже цветет...

– Ничего не скажу, – огрызнулся будущий специалист по картофелю.

– В партизан играть не будем.

– Ничего не знаю, – бубнил налетчик. – Ничего не помню.

– Вот это то, что нужно, – продолжать кошмарить обоих десантник. – Один точный удар в затылок делает из человека придурка, который даже имени своего никогда не вспомнит, а как собирать и мыть картофель я научу. Ну, будешь плохо работать, отдам чеченам. У них свои методы, а я только картофель сажаю.

– Твои? – Олег протянул хозяину ключи и документы, – дама хотела вернуть.

– Кстати, посмотри на их ключики, – оживился Серый. – Около подъезда нагло стоит чья-то спортивная «Мазда». Я с ними прокачусь на дачу, там и потолкуем о светлом будущем.

– А цепь надежная? – подыграл разведчику Корень.

– Не перегрызут...

– Тогда пакуем, – Олег был в ударе. – Кляп прикроем маской, а ручки с бантиком за спиной – какой-нибудь тужуркой. Там дождь собирается...

– Давай-ка свой рюкзачок, – скомандовал десантник.

Увидев, как Олег демонстративно медленно снимает рюкзак и достает оттуда коробочки с какими-то ампулами, шприцы, водку, налетчики взмолились о пощаде и обещали все рассказать. С их слов, это оказались исполнители, получившие по СМС указание найти по номеру сотового телефона человека и узнать, кто это и зачем звонил в «Парус». Похоже они больше ничего не знали. Тем не менее, Серый очень профессионально влил обоим по бутылке водки, даже не расплескав. Затем сделал по уколу в вену и под руки вывел обоих к машине. При этом скрыть лица помогли маски и капюшоны старых курток Пыхи, благо они были подходящей комплекции. Начавшийся дождь и привычка граждан сидеть дома в период самоизоляции, помогли не встретить по дороге ни единой души.

Пыха и Корень, взволнованные, молча сидели в «Форде» и смотрели вслед удаляющейся «Мазде», не веря, что все так гладко и быстро прошло.

– Думаешь, Серый их повезет на дачу? – неуверенно спросил Королев.

– Нет, конечно. Он их просто припугнул.

– И куда ж они теперь? – Витек едва сдерживал охватившую его дрожь.

– Не бойсь, – постарался успокоить его Олег, – крови не будет. Оставит машинку в тихом месте. Завтра их там и найдут.

– А пистолет?

– Протрет и вернет хозяину. Возможно, на нем уже висит труп. Зачем чужое на себя брать...

– А если эти расплзутся из машины в разные стороны, когда Серега уйдет.

– Пыха, не стучи зубами, – оборвал его Корнеев. – У Серого еще два комплекта дури. Хватит на пятерых. Эта братва любит отрываться и берегов иногда не знает, а тут на пару решили оттянуться... Менты найдут ствол и «висячок» какой-нибудь на этих жмуриков спишут. Всем выгодно.

– Может позвонить Сереге и договориться, где мы его подберем.

– Разведка без нас выберется. Мы только засветить его можем на твоём «Форде», ты лучше включи мозги. Кстати, ты что звонил куда-то со своего сотового?

– Д-да, вчера...

– Балда! – Олег едва сдерживался. – Ты совсем не понимаешь, куда вляпался и нас потянул... Давай сотовый!

Он ловко вытащил аккумулятор и SIM-карту из коммуникатора.

– Тебе нужно на какое-то время уехать из города.

– Нет, я с вами...

– Очнись, Пыха! Это мы с тобой холостые, а у Серого Светка и двое пацанов...

– Сделаю, что нужно. Только скажите.

– Кто должен был вчера мне кинуть СМС-ку?

– Я... – Королев шлепнул себя ладонью по лбу. – Забыл. Напрочь.

– Серый так и сказал, – оглядываясь по сторонам, тихо проговорил Олег.

– Так вы поэтому приехали... Вот я балда... А как в квартиру вошли?

– Дык, нас твоя подружка впустила. Пока я уговаривал десантуру не ломать дверь, она сама и открылась.

– Это они решили «Форд» обыскать...

– Ладно, проехали, – Олег положил руку на плечо школьного товарища. – Зато мы успели вовремя. Иначе ты бы лежал сейчас с включенным утюгом на животе... Флешка с записью где?

– Под столом осталась.

– Ты приклеил ее под столешницу? – расхохотался Корень. – Эти не догадались?

– Нет. Только раскидали все дома, а тот урод нашел в ноутбуке папки со свадебными файлами... Кажется, кому-то звонил и сказал об этом...

– Опа! – Корень напрягся, но потом улыбнулся. – Значит, у него и сотовый остался, и последние звонки заказчику... Ментам будет чем заняться...

– Я не помню точно, – сморщился Пыха. – Голова болит.

– Кружится? Ну-ка посмотри на меня... Понятно.

– Давай документы на машину. Я поведу. А ты перелезай на заднее сиденье и приляг. Если менты остановят, скажешь давление подскочило, попросил меня довезти.

– А Серега как же?

– Вот он не забудет, что нужно делать. Мы порознь приехали на такси за квартал от твоего дома. С разных сторон. Серого, конечно, за маску не спрячешь, но будем надеяться, что таксисты не запомнят, у них сейчас перегруз с этим вирусом.

– Может, я какие-то вещи возьму в дорогу? – неуверенно предложил Пыха.

– Нет, друг мой. Отвезу-ка я тебя подальше от этого места.

Глава VIII

Деревушка Лучинино уютно расположилась у соснового бора, который огибала речушка Знаменка. Неподалеку от нее недавно была проложена современная трасса М11 Москва-Петербург. Проезд по ней уже был платный, но скорость и комфортного стоили. «Форд» Королева просто пролетел пару сотен километров от МКАД, словно не касаясь резиной нового покрытия.

– Где это мы? – донесся голос Пыхы с заднего сиденья, едва машина съехала с трассы на проселочную дорогу с привычными выбоинами в невесть, когда положенном асфальте.

– Здесь Корнеевские корни, друг мой, – задумчиво ответил Олег, сидевший за рулем. – Надеюсь баба Вера нас примет. Не императорские покои, а вот русским духом пахнет.

– Редко бываешь?

– Увы, все тороплюсь куда-то, а надо было бы все бросить и косить травы на заливном лугу. Босиком ходить на рыбалку...

– И забыть, что такое интернет?

– Отчего же. Вдоль трассы вышки стоят, так что десятка мегабит вполне стабильная.

– Погоди, – Пыха заметил вдали крыши жилых домов, – это твоя деревня?

– Лучинино...

– Смотрю, и дома есть вполне приличные.

– Это дачники. Приходят к бабе Вере за молоком.

– Доить научился?

– Нет, меня к этому делу не подпускают.

– Слушай, – вскинулся Пыха, – надо было бы в магазине прикупить чего-нибудь.

– Не все из нас забывчивые ребята.

– Ну, да. Я же фотограф... – обиженно пробубнил Королев.

– Что нарыл ночью?

– Толком ничего. Фотографии с этим великим князем какие-то мутные. Лысый мужик, иногда в пенсне или котелке, военной выправки в упор не видно, взгляд неуверенный... Не признал я в нем Константиновича. По описаниям он катался по разным городам России, несколько раз женился, чем только ни занимался... Но не он это.

– Скорее всего твоего капитана подстрелили на дуэли, – тихо проговорил Олег, – а вместо него колесил по стране кто-то похожий. Тогда избавиться от неудобного человека самым надежным способом была дуэль. Из Петербурга его выперли, а в каком-нибудь уездном городишке и порешили. Он, конечно, владел и шпагой, и пистолетом, но это для честного поединка.

– Думаешь, убрали?

– Ну, если полагаться на твое чутье, то можно так и объяснить.

– Я читал, что князю из казны выделяли по двести тысяч в год на содержание...

– Похожий на Николая Константиновича мужчина вполне мог взять его паспорт и колесить по городам с теми деньгами. Фотографий в документах тогда не было.

– Слушай, а что все так всполошились, когда я в ресторан позвонил... «Парус» называется.

– Ты о этих двоих?

– Ну, да...

– А, действительно, зачем ты туда звонил, да еще со своего сотового?

– Дык, там три дня назад Шмат снимал какой-то банкет, на котором статный мужчина средних лет в отдельном кабинете с двумя собеседниками выпивал... Вот он по крови точно наш великий князь Константинович.

– Три дня назад? – удивился Олег.

– Я по телефону подробно обрисовал официанта на том банкете с видеозаписи Шмата. Получилось убедительно, и мне кто-то подтвердил, что так и было.

– Неожиданно... Значит, на следующий день грохнули Шмата.

– Я еще это... – замялся Пыха. – Похоже вычислил, что этот, похожий на капитана, обосновался в двухэтажном доме на берегу Вешенка.

– Что за капитан?

– Ну, я великого князя еще на фото Левицкого так назвал.

– Вообще-то, Николаю Константиновичу присвоили полковника, но не суть. А как ты его берлогу раскопал?

– Так, на видео с карты памяти Шмата он мельком засветился в ночной съемке.

– Уверен? – насторожился Корень.

– Я много повторов просмотрел... Они по крови связаны. Сто процентов.

– погоди, что же получается? Скорее всего, из-за границы приехал явный наследник великого князя Николая Константиновича. Причем в сложный период, и только лишь для того, чтобы его посторонние не узнали, но засветился на банкете. Значит, там были все свои.

– Публика разная в зале веселилась.

– Однако, когда охрана узнала, что чужой интересовался междусобойчиком, к тебе прислали сладкую парочку. Это нужно обдумать...

Когда синий «Форд» остановился около почерневшего от времени некрашеного забора, за которым был большой двор, окруженный несколькими раскидистыми яблонями, за ними виднелся старый добротный сруб в три окна, украшенных резными наличниками, Олег первым выскочил из машины. Вскоре он появился на крылечке вместе с сухонькой старушкой. Несмотря на возраст, движения ее были точными и ловкими.

Минут через десять они уже сидели в просторной горнице за широким деревянным столом, на котором, словно на скатерти-самобранке появлялись блюдечки и тарелочки с забытой для горожанина натуральной едой. Как и когда баба Вера все это готовила оставалось загадкой, а на вопрос, знала ли о приезде, прямо не отвечала. Потом появился и кипящий самовар, и плюшки с маком, плюшки с разным вареньем и полные янтарного меда соты, поломанные на большие куски.

– Тебе, милоч, – обратилась хозяйка к Пыхе, – я заварю травки. Вижу, голова у тебя болит. Не буду спрашивать почему. Блюдечком накроем, пусть настоится, потом пей маленькими глотками. На вкус горько будет, а ты потерпи. Можешь глаза закрыть, думай о хорошем и пей потихоньку. Скоро все и пройдет.

После первой солидной чашки, расписанной большими румяными яблоками и красной вишней, баба Вера заварила гостю вторую. Витек пил с закрытыми глазами, забыв, где он и что его сюда привело. Ему вдруг подумалось, как мало нужно человеку, чтобы окунуться в такое блаженное состояние. Хотя, нет! Он не прав. Нужно то, что почти утеряно современниками. Душевность. Даже не духовность, а именно душевность к встречному или незнакомцу. На его недолгом веку люди стали замкнутыми, разобщенными и чаще всего думая или обсуждая что-то, повторяют единственное слово, придуманное поначалу, как средство платежа. Со временем оно стало движущей силой, а нынче во всем мире не отыщется такой границы, которую человек ни преступил бы в погоне за совершенно излишним количеством этого средства.

– Баб, Вера, – голос Олега прервал размышления Королева, – я сумки с продуктами на ледник поставил. Говори, что помочь, а то нам неудобно бездельничать, когда ты работаешь.

– А бездельничать вообще грех, – хозяйка серьезно посмотрела на внука. – Вы-ка лучше прогуляйтесь в наш сосновый бор, посмотрите на полянках рыжиков, а я приготовлю.

– Так, может, дров наколоть... – неуверенно предложил Пыха.

– Это я сама справлюсь, соколик, – улыбнулась она, – ты городской, непривычный к нашей работе. Не ровен час, поранишься. Ступайте с богом, а я вам корзиночки дам.

В Лучинино бор был знатный. Высокие сосны на песчанике. Чистый воздух, и оглушительная тишина. Они бродили метрах в десяти друг от друга, и когда кто-то замечал полянку с грибами, оба их собирали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.